ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1-2 1920

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

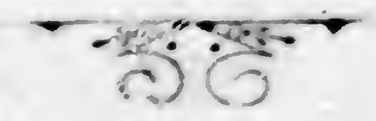
Содержание № 1—2.

Стихи:

Проза:

Статьи:

Наша Культура:

МАШИННЫЙ РАЙ.

Весь овеянный цветами, солнцем, воздухом росистым,
Ты мне шепчешь умиленно про былинный сонный край,
Но в ответ поет мне властно с гордым грохотом и свистом
Мой любимый, мой железный, мой родной машинный рай:

Лишь в моих гудящих сводах—храм мечты безумно-смелой,
Все во мне живет и дышит—тронь колдующий рычаг,
И под властною рукою загремит стальное тело,
Грудью черною, голодной песню творчества рыча.

Что мне древние поверья, расписные небылицы?
В беспрерывном достиженьи я творю живой рассказ:
Захочу—и к солнцу смело воспарят стальные птицы;
Захочу—и ком железа засверкает, как алмаз;

Захочу—по дну морскому загремит язык железный;
Мир неведомый встревожу сетью звонких проводов
И по рельсовым извивам, загремев над самой бездной,
Из тропического зноя переброшусь в царство льдов.

Не моей ли силой в башни бьют немолчные фонтаны,
И горят и блещут зори от заката до утра?
И морей седые волны взбороздили великаны,
Грудь разрезана земная до вулканного нутра.

Не на мне ль чело сияет ослепительного века?
И на нем горят три солнца, три закона естества:
Сила древняя природы, труд упорный человека
И его горящий разум—светлый разум божества.

Торжествуй, греми победно, возрожденная природа,
Славь железного Мессию, новых дней богатыря!
В этих сумрачных ладонях—безграничная свобода,
В этих мускулах железных—человечеству заря.

Самобытник.

Пристава и городовые срываются с мест, а Матвеев, вынырнув из другого края, кричит им чуть не вдогонку: „Военному не предадите: я пуговицы срезал, кормовые сданены“, и, помолчав немного, забравшись в кучу, надрывался: „Кажинный год об эту пору... Кажный, кажный год!“

И когда измученные полицейские и раз'яренные стражники принялись было хватать и с помощью солдат теснить толпу, по кладбищу, как по сигналу, понесся свист, шиканье; свистели гулко, сверлили, резали воздух; толпа сомкнулась гуще и, как живая, вытянулась в линию опять по шесть, по восемь человек, ловко мешая особо подозрительных полиции товарищей и, как с музыкой и боевою песней, тронулась по полю к родному городку.

В середине одного из рядов радостно, ухарем, вперед всей грудью шел Матвеев. Он был в длинном штатском пиджаке, в новом картузе Карявого и в очках Степана Кукурузы. Когда он замечал, что полиция в своих поисках уходила от него, Матвеев, окидывая передние ряды, дружески командовал: „Левой бери! Ать-два, ать-два!“ Вздергивал плечами и, притопывая всей ступней кричал: „Тверже ногу! Шагу, рота! прибавь шагу!“ И потом, когда замечал, что полиция подходит, подмигивая, тихо посылал назад: „Вольно! Оправься, которые!“

Солнце поднялось высоко, к полудню, по полю играли искры зажженных восторгов, к небу неслись дрожащие плавные волны полевого пара.

В глубины неба, его одевая, взвивались клубы заводского дыма; тяжелые корпуса скучали без народа; а стеклянные крыши манили переливами горящих блестков.

И вся молодая, вся жизнь, вся восторг, в рабочий городок входила весна.

А. Гастев.

В музее.

Кругом мундиры, лица сытых дам,
Гербы и пыль. Мне скучно, как в гробнице.
Моя душа давно крылатой птицей
Умчалась в даль волшебных панорам.

Вот бурлаки по волжским берегам
Идут толпой. Закован труд в темнице
Поет батрак о проданной девице,
И стон идет по барским деревням.

Но вспыхнули восстаньем города,
Мятежный Разин, вольницы орда...
Как много их, как радости в них редки...
Вот светлый луч пронзил раздумой ветки
Я понял все. Я гражданин труда
И предо мной мои проходят предки.

А. Самобытник.

Беспредельность времени и движения.

Признание пространственной беспредельности обязывает к признанию беспредельности в отношении времени и движения, потому что если допустить, что мир начался с какого-то момента, то значит, надо допустить и то, что когда-то царило лишь одно ничто, а это недопустимо, так как мир все-таки из чего-то, а не из ничего. Вселенная беспредельна не только в пространстве, но и во времени, т. е. вечна по началу и концу.

Самая же беспредельность пространственная и временная обязывает к признанию, что пространство и время лишь суб'ективные понятия, характеризующие лишь нашу собственную (для нас самих) пространственность и временность, но не вселенной, которая сама по себе не имеет ни пространства, ни времени, а бесконечна и вечна. Мы сами для себя (не вообще) ограничены во времени и пространстве, а поэтому нам свойственно переносить собственные пространственность и временность на все окружающее нас, потому что мы можем воспринимать окружающее лишь в пределах времени и пространства. Сами же по себе пространство и время не существуют, и для вселенной логичны лишь понятия беспредельности и вечности.

Беспредельность и вечность есть не что иное, как безначальность и бесконечность в пространстве и во времени, что хотя и не может быть воспринято нами непосредственно, но все-же не противоречит не только логике, но даже и фактам. Чтобы найти, например, начало органической жизни, нужно итти от человека обратно к простейшим, а от них через нашу планету и солнце доберемся до туманностей и углубимся за них до вихревых движений атомов и электронов, но все-же до начала не доберемся, так как все формы или существа происходят одни из других и никогда не прерываются при всем разнообразии своих разветвлений. Чем дальше назад, тем невозможней отделить органическую жизнь от неорганической, а поэтому и естественно, что органическая жизнь, кончаясь на земле человеком, берет свое начало где-то за туманностями в вихрях незримого и невесомого.

Вселенная—неизмеримая величина, вечная и беспредельная, которая состоит из бесконечно-малых величин, тоже вечных и беспредельных. Вечность и беспредельность—единственные определения, приложимые ко вселенной, а если они все-же мало о чем говорят, то как яснее определить то, чего нельзя воспринять и представить? Мир когда-то представлял из себя не хаос, а беспредельность неисчислимого множества атомно-электронных вихрей или как-бы беспредельный, заполненный ими шар, центр и окружность которого всюду и нигде. Если бы в то время мог быть человек, то он о мире знал бы не больше, чем можно знать о нем в обморочном состоянии, потому он не в силах был бы воспринять его. Следовательно, тогда не было бы для него, как такового, ни туманностей, ни солнц, ни планет, ни комет, словом, ничего, что есть теперь, но мир был бы полон бесконечно-малых величин, которые и составляли бы собой бесконечно громадную величину, т. е. вселенную в виде беспредельного шара. Не было бы тогда, значит, ни света, ни мрака, ни тепла, ни холода, ни ветров, ни воды, ни суши, ни воздуха, словом, ничего из всего того, чем так богат мир по нашим представлениям теперь.

Это с точки зрения наших суб'ективных (личных) восприятий было н е б ы т и е, абсолютное н и ч т о, но об'ективно, само по себе, это было, есть и будет лишь одна из форм или стадий (ступеней) жизни. В вихревых движениях одинаково легко создавались или возникали бесконечно-малые и бесконечно-большие системы миров, потому что для вселенной имеют одинаковое значение всякие величины. Где же и когда началось первое вихревое движение и на каком из вихрей создалась первая из органических клеток? На это может быть только один ответ: никогда не было и не будет первого и последнего, первой и последней, а так вечно было, есть и будет.

Если так думать и не совсем обычно, то ведь точно также было весьма необычно думать когда-то, что не солнце вращается вокруг земли, а наоборот, земля вокруг себя и вокруг солнца. С этим освоились и к этому привыкли; точно также освоимся с вечностью и беспредельностью, равно как и с тем, что окружающее нас далеко не то чем нам представляется непосредственно.

Точно также, если мы станем искать конец органической жизни, то не найдем большего, чем то, что конец имеют лишь формы, но не вообще жизнь—в целом, так как содержимое форм, если можно так выразиться, превращается или в первобытное состояние или возрождается в других формах и непосредственно и через поколения того же вида. Например, тело мертвого животного может служить пищей хищникам, червям, бациллам, растениям и пр. на земле, в почве, в воде и в воздухе; это непосредственный переход в другие формы и вместе с тем превращение в первоначальное состояние или разложение на составные элементы. Живые существа за свою жизнь могут приобретать новые свойства или способности и утрачивать те или иные из имеющихся, но то и другое, т. е. и приобретенное и атрофированность (неспособность к действию) они могут передавать своим поколениям по наследству; это будет возрождением посредственным через поколения того же вида. Таким образом, пока существует земля, нет конца ни взад, ни вперед, а есть одна лишь смена форм, которая говорит, что нет смерти в общепринятом смысле слова. Если, например, умирает человек, то с его смертью не все кончается, как принято думать, так как смерть, кончая одно, в то же время начинает другое, подобно старости, с наступлением которой кончается жизнь прогрессивная и начинается жизнь регрессивная, т. е. разрушительных бацилл в лице хотя бы склероза. Кроме того, человек часто переживает себя в лице своих произведений, в которые буквально воплощены его плоть и кровь и которые столь же реальны (действительны), как и он сам. Разумеется, вселенная не исчерпывается землей, и поэтому несомненно есть и будут еще более совершенные существа, чем люди, так что движение вперед столь же может быть вечным и беспредельным, как и взад.

Вселенная безначальна и бесконечна в пространстве, во времени и в движении. Но вечность движения не противоречит ли наблюдаемому нами абсолютному покою неодушевленных предметов в лице хотя бы камней? И последние не находятся в абсолютном покое, потому что непрерывно реагируют (отзываются) на температуру, сухость, влажность и т. д., то сжимаясь, то расширяясь, то раскалываясь, словом, выветриваясь, так что и они находятся лишь в относительном покое и в относительном же движении. Кроме того камни, как и все во вселенной и в нашем мире, состоят из молекул, атомов, электронов и вихрей, что уже ни в коем случае не совмещается с покоем. Таким образом, все неодушевленные предметы, если и находятся в покое, то только лишь в относительном, в отношении лишь наших органов восприятия, но никак не в абсолютном или совершенном полном покое.

Далее, движение тесно связано с проявлением теплоты, так что даже трудно сказать, что друг друга обусловливает: движение теплоту или теплота движение?

У нас на земле единственный источник тепла—солнце. Есть еще тепло и внутри земли, но оно для нас исчезает бесследно, а что касается огня и молнии, то их первопричина тоже солнце. Следовательно, самая высокая в нашей системе температура, это температура только что вспыхнувшего и еще не начавшего гаснуть солнца, а самая низкая вероятно по ту сторону луны, куда никогда не заглядывают лучи солнца. Возможна ли температура выше солнечной? Чтобы ответить на это, нужно посмотреть, в зависимости от чего реагирует тело на ту или иную температуру: в зависимости только от величины или и от состава. Если взять одинаковой величины куски льда, олова, железа и камня, то мы увидим, что они плавятся при весьма различной температуре: лед при комнатной, олово—над лампой, железо—в тигле, а камень—примерно при температуре огненно жидкой массы внутри земли. Если взять оловянное ядро с горошину и с арбуз, то первое легко расплавится над лампой, а второе, скажем, только над сотней таких же ламп. Таким образом имеют значение состав и величина тела, т. е. чем больше тело, тем больше тепла должно быть для его плавления при одном и том же составе. Всякое расплавленное тело испускает теплоту или жар, другими словами испаряется, превращается в газообразное состояние, а поэтому всякое твердое тело можно обратить в пар или газ, если поддерживать соответствующей высоты температуру. Ясно, что ложка расплавленного железа даст меньшее количество тепла, чем котел такого же железа, но и котел расплавленного льда не может дать столько тепла, как ложка расплавленного олова. Из этого следует, что температура в мире не абсолютна, а лишь относительна в сторону и увеличения, и уменьшения, так как несомненно солнца—различной величины, а кроме солнц мы не знаем иных источников теплоты и света. Чем больше солнце, тем больше тепла и света, и наоборот, так что не может быть ни абсолютного тепла, ни абсолютного холода, а всякая температура лишь относительна по крайней мере для нас.

Теплота существует не сама по себе, а является результатом движения: чем сильнее движение, тем более тепла и наоборот. Тепло может образоваться, например, от трения двух тел, от удара одного о другое, от давления: немазанное колесо загорается, из-под обуха топора могут вылетать искры, влажное сено загорается в стогу под влиянием давления и трения испаряющихся частиц. Солнце нагревает тела не тем, что его лучи горячи (мы не можем знать их об'ективной температуры), а только ударами своих лучей, которые бьют по поверхности тела и вызывают усиленное движение частиц на поверхности и ниже, и тем ниже, чем сильнее бьют лучи, т. е. чем прямее они (летом и под экватором). Чем прямее лучи, тем сильнее бьют они, тем более сильное и глубокое движение частиц вызывают они, и чем выше температура, тем горячей предмет для наших ощущений. Так нам кажется потому, что более сильное движение частиц вызывает в наших нервах более сильное раздражение и даже болезненное, а в зависимости от этого мы говорим: тепло, горячо, жжет, палит, печет и т. д. Этими выражениями мы, не подозревая того, определяем степень быстроты движения частиц нашего тела и посторонних тел. Если теплота сводится к движению, то вопрос о ее предельности и беспредельности сводится к вопросу о быстроте движения: предельна она или беспредельна? Для логики вполне допустимо столь же беспредельное увеличение и уменьшение быстроты движения, как и чисел, так что движение может быть и бесконечно быстрым и бесконечно медленным, но как бы оно медленно ни было, ему никогда не превратиться в абсолютный покой. Слово «покой» говорит скорей о несовершенстве наших органов восприятия, но ничуть не об отсутствии движения. Все-же в нашей системе, кажется, есть предельная быстрота—быстрота света. Действительно, мы еще не знаем ничего, что двигалось бы быстрей света, но разве это довод в пользу того, что на свете нет и не может быть ничего более быстрого в движении, чем свет? Если мы правильно вычисляем быстроту света нашей системы, то такова ли же она для других солнечных систем? Пока не узнаем с достоверностью, что ничто в мире не движется быстрей света, нельзя говорить о предельной или абсолютной быстроте движения, и поэтому вернее ограничиваться лишь относительной. Наконец, быстрота движения света вероятно обусловливается и средой, так что, быть может в атмосфере иных планет свет движется быстрей или тише.

Кий.

Некролог.

Пролетарская литература понесла тяжелую и скорбную утрату: эпидемия сыпного тифа, почти одновременно вырвала из наших рядов двух наиболее значительных и талантливых молодых писателей т. т. **Ф. И. Калинина** и **П. Безсалько**, ближайших сотрудников нашего журнала и Петроградского пролетариата. Оба товарища вышли из рядов рабочего класса, оба были энергичными деятелями пролетарской мысли и оба погибли на своих ответственных постах, один на южном фронте, а другой за напряженной и утомительной работой в тылу. Оставляя подробную характеристику погибших товарищей до следующего нумера, мы пока скажем, что как бы широко не развернулось культурное движение рабочего класса, имена безвременно погибших т. т. **Ф. Калинина** и **П. Безсалько**, как пионеров, никогда не будут забыты.

Первая конференция пролетарских писателей гор. Петрограда и Петроградской губ.

С 13-го по 15-ое декабря в Петроградском Пролеткульте состоялась 1-ая конференция пролетарских писателей гор. Петрограда и Петроградской губернии. В теплом помещении, украшенном красными плакатами с цитатами из стихотворений пролетарских поэтов, еще рано до открытия начали собираться представители от пролетарских литературных организаций и с любопытством осматривали книжную витрину и диаграммы, иллюстрирующие деятельность издательского отдела Пролеткульта и Литературной Студии. Между диаграммами и плакатами мелькали знакомые портреты русских писателей и пролетарских вождей, а в углу на постаменте, обтянутом красной материей, возвышался гипсовый бюст Карла Маркса. Перед открытием конференции с присутствовавших были сделаны фотографические снимки. По докладу секретаря организационного бюро выяснилось, что на конференцию, с правом решающего голоса, прибыло 84 делегата, которые по составу распределялись следующим образом: пролетарских поэтов, беллетристов, публицистов и журнальных работников—48 ч., представителей от литературных кружков при рабочих клубах—9 ч.; от литературных кружков и студий при Политотделах Красной армии и флота—8 ч.; от литературных студий Пролеткультов—4 ч.; от редакций рабочих газет—5 ч.; от районных литературных коллегий Р. К. П.—3 ч., от профессиональных союзов—2 ч.; от Исполкома Петр. Сов. Раб. и Красноарм. Деп-ов—1 ч.; от разных рабочих организаций—4 ч. В политическом отношении - коммунистов 52, сочувствующих ком. партии 16, интернационалистов 3, член Бунда—1, беспартийных 8, не указали 4. По происхождению: из крестьян—41, из мелких ремесленников, торговцев, мещан и т. п.—14, из интеллигенции—9, из рабочих—14, не указали 6.

По роду занятий: фабрично-заводским трудом—43 ч., земледельческим—8 ч., педагогическим—8, литературным—10, актерским—3, разных профессий—12.

По возрасту: до 20 лет—9 чел., от 20 до 25 лет—18 ч., от 25 до 30 л.—24 чел., от 30 до 35 л.—20 ч., от 35 до 40 л.—10 ч., свыше 40 л.—3 ч.

По времени печатания своих произведений: от 1-го года до 5 л.—24 ч., от 5 до 10 л—18 ч., от 10 до 15 л.—12 ч., от 15 до 20 л.—8 ч., свыше 20 л.—1 чел. Совсем не печаталось 18 челов.

Издали книжки своих произведений: до 1917 г.—16 чел., после революции—26 чел. Подготовили к печати 23 ч. Совсем не имеющих книжек—19 ч.

В 2 часа дня конференция была об'явлена открытой председателем организационного бюро тов. Машировым-Самобытником, который обратился к собравшимся с приветственной речью. Кратко ознакомив с работою конференции, он дал сжатый очерк развития пролетарского творчества и наметил разрешение литер. задач в связи с переживаемым моментом. В настоящее время мы живем в переходную эпоху, когда, опрокинув капиталистический строй, мы закладываем фундамент нового коммунистического общества.

Перед пролетариатом стоит огромная задача организационного строительства. Вместе с политической и экономической властью к нам перешли и все богатства старой культуры. Мы пока пользуемся ею целиком, но настанет момент, когда мы в ней должны будем разобраться. Культура прошлого не была единой, она слагалась в классовых противоречиях и поэтому носит отпечаток различных господствующих классов. Этот отпечаток мы должны уничтожить, но для этого требуется огромная напряженная творческая работа и наличность большого количества пролетарских культурных сил. Пролетарская культура в данный момент еще находится в зародыше. Мы переживаем подготовительный период. Мы только еще получили средства для научного образования. Но и теперь уже можно видеть плодотворные всходы пролетарского творчества. Пролетарский писатель артист, художник - стали уже вполне законным явлением.

Наша конференция должна ускорить появление пролетарской весны, об'единить всех пролетарских писателей, выяснить задачи литературного творчества. Пусть пролетарские писатели в первый раз, открыто, сами выскажутся о своих задачах—и этим рассеют многие небылицы, которые часто говорили от лица их люди, ничего общего с пролетарской литературой не имевшие.

По окончании речи тов. Маширова, которая была встречена апплодисментами, конференция приступила к избранию президиума. Почетными председателями конференции избираются: т. т. М. Горький, Луначарский и Зиновьев, а в Президиум: т. т. Евдокимов, Маширов, Арский, Крайский и В. Князев. По предложению Президиума конференция единогласно принимает три резолюции: первая „приветствует передовой отряд мировой революции—Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, которая сквозь неслыханные испытания беззаветным мужеством и победоносным оружием прокладывает дорогу к победе труда, к строительству коммунистической культуры и к братскому союзу трудящихся всего мира". Вторая резолюция „приветствует Российскую Коммунистическую партию, сумевшую об'единить все революционные силы страны, рабочий класс и беднейшее крестьянство и в момент второй революции выдвинувшую идею Советской власти. Приветствуя всех ее членов, самоотверженных и стойких вождей ее т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Радека и Луначарского, конференция верит в близкое торжество и осуществление всех идеалов Коммунистической партии. Да здравствует неразрывная связь пролетарских писателей с партией рабочего класса! Да здравствует коммунизм". Третья резолюция „приветствует рожденный в грозе и буре Третий Коммунистический Интернационал, под боевыми знаменами которого об'единяются трудящиеся всего мира. Только полным разрывом с предателями революции, только неустанно освобождая рабоче-крестьянские массы из-под влияния буржуазной культуры и ее идеологов—вождей II-го желтого Интернационала, можно восстановить единый железный фронт мировой революции. Только с победой коммунистической культуры, человечество освободится от векового угнетения и подавления одного класса другим. Да здравствует братский союз всех трудящихся! Да здравствует мировая революция! Да здравствует Третий Красный Интернационал"!

Затем конференция утверждает следующий порядок своих работ. В первый день—13-го—1. Приветствия. 2. Доклад т. Арского—пролетарская драматическая литература. 3. Доклад т. Стронина—условия пролетарского творчества. 4. Доклад т. Бердникова—о литературной студии. 5. Доклад т. Куделли—рабочий клуб и его значение в деле развития пролетарской литературы. На 14-ое декабря: 1. Доклад т. Садофьева—прошлое, настоящее и будущее пролетарской литературы. 2. Доклад т. Тихомирова—об организации революционной эстрады. 3. Доклад т. Грошикова—о технике пролетарского искусства. На 15-ое декабря: 1. Доклад т. Маширова—об организации союза пролетарских писателей и утверждени устава. 2. Доклад т. Князева—о буржуазной литературе. 3. Утверждение резолюций по докладам. 4. Заключительное слово. 5. Вечер пролетарской поэзии.

После утверждения порядка дня и краткого регламента слово для приветствия берет тов. Евдокимов, представитель Исполн. Ком-та Петрогр. Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.

„Товарищи! Мы переживаем серьезный исторический момент, который мешает нам взяться правильно за дело организации культурной работы. Мы затрачиваем все силы на укрепление Красной армии, мы восстанавливаем транспорт, боремся с голодом, добываем топливо. На все это требуется масса энергии, опыта и организаторских сил. Но все эти препятствия революционные рабочие побеждают. В результате коллективных усилий в области экономической мы устранили прежних хозяев и взяли производство в свои руки.

Теперь, мы уже на опыте учимся, как надо организовать народное хозяйство. То же самое предстоит нам сделать и в области духовной культуры. Совершенно прав т. Маширов, когда говорил, что нужно взять все достижения прошлой культуры и разобраться в них. Но чтобы разобраться в наследии прошлого, надо много и многому поучиться. У пролетариата в области культуры слишком еще мало знаний и опыта. Этот опыт доставался ему с величайшим трудом в то время, когда он должен был мобилизовать свои силы за политическое раскрепощение. Пролетарская культура еще очень молода, препятствия для ее развития еще не исчезли, и они-то, главным образом, мешают нам во всем об'еме развернуть нашу духовную мощь. Но все-таки и в этой области мы выйдем победителями. Пролетариату нужна своя духовная культура, которая подняла бы его на вершину человечности. Будем надеяться, что настоящая конференция заложит фундаменты новой коммунистической культуры, которая превратит звериную жизнь людей в лучшую, более человеческую, красивую жизнь". (Дружные апплодисменты).

Затем оглашается письмо тов. Зиновьева:

„Товарищи, горячо приветствуя вашу конференцию, я хочу сказать вам следующее. За два года мы много сделали для поднятия духовного уровня нашего, прежде угнетенного рабочего класса. Но все, что мы сделали до сих пор, только капля в море по сравнению с тем, что сделать еще нужно. Борьба против буржуазной отравы, против буржуазных извращений, преподносимых нам зачастую, как последнее слово коммунизма,

вся еще впереди. Мы позволили одно время нелепейшему футуризму прослыть чуть не официальной школой коммунистического искусства. Мы позволили некоторым сомнительным элементам примазаться к нашим Пролеткультам. Этому пора положить конец.

Подающим надежды рабочим писателям надо дать возможность серьезно учиться, учиться и еще раз учиться. Побольше простоты внесемте в нашу журналистику и в наше искусство! Вот мои пожелания вам, дорогие товарищи!

Ваш Г. Зиновьев".

Приветствие тов. Зиновьева встречено было дружными аплодисментами и возгласами:—

Да здравствует Петроградский Совет, да здравствуют Советские вожди!

После приветствий т. т. Евдокимова и Зиновьева конференцию приветствуют: т. Лебедев—от професс. союза работников искусств, т. Филиппов—от Совета професс. союзов., т. Дорогин—от литературной коллегии воздушной обороны, т. Тараканов—от Балтфлота, т. Богданов—от Агитпросвета губ. Военкома, т. Невский—от клуба «Пролетарий» и др.

Затем, собрание выслушивает первый доклад о пролетарской драматической литературе т. Арского. Докладчик сделал краткий обзор всего того, что сделано в области пролетарского театра, показал, что пролетар. драматическая литература развивается быстро, но жизнь обгоняет творчество и стучится в двери его—работай, работай, работай... Пролетар. театр требует своего репертуара, создания своих пролетарских пьес, проникнутых духом коллективизма. Доклад вызвал оживленные прения, в которых участвовали т. т. Щеглов, Богданов, Лебедев, Невский, Маширов и др. В заключение т. Маширов информирует собрание о работах с'езда деятелей рабоче-крестьянского театра в Москве и предлагает принять две резолюции, одну—общего характера по своему вступительному докладу и другую—по докладу тов. Арского. Обе резолюции принимаются огромным большинством присутствующих.

Первая резолюция по докладу А. Маширова.

„Современный момент характеризуется, как переходная эпоха от капитализма к коммунизму. Задачи переходного времени заключаются в обороне всех завоеваний революции, в организации производительных сил страны, их основах равного и общего пользования предметами потребления.

С изменением экономических и социальных отношений изменится и духовная культура.

В противовес индивидуалистической, анархической, авторитарной и собственнической культуре капиталистического мира организуется новая пролетарская культура на основах коллективизма, товарищеского сотрудничества, с радостным и активным восприятием мира.

В области культурного творчества рабочий класс будет итти рука об руку с крестьянством, которое чем далее, тем более будет итти под знаменем коммунистического идеала. Пролетарская литература явится главным фундаментом в деле организации пролетарской культуры.

Отличие пролетарской литературы заключается в том, что, возникнув в эпоху ожесточенной классовой борьбы из родников пролетарского творчества, проникнутая насквозь коллективным сознанием, она сразу же в руках пролетариата стала могучим орудием в борьбе за раскрепощение трудящихся масс ото всех видов рабства.

К этому она должна стремиться и впредь, организуя всеми художественными средствами коллективно-трудовой опыт и воспитывая рабочие массы в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, как борцов и строителей всемирного братства трудящихся".

Вторая резолюция по докладу т. Арского.

„Борьба за пролетарский театр сводится к борьбе за пролетарскую культуру, пролетарский писатель драматург является в то же время и организатором рабочего класса.

Репертуар пролетарского театра может быть создан лишь самим рабочим классом и примыкающим к его идеологии революционным крестьянством путем самостоятельного, коллективного творчества, через создание студий, кружков и курсов.

Такое творчество будет вовлекать зрителя в театральное действие, постановки примут массовый характер, метод импровизации будет использован широко.

Театр прошлого должен дать место новому массовому театру, так как репертуар старого театра не может отвечать новому содержанию жизни. Однако он должен быть использован для ознакомления с достижениями в искусстве прошлого.

Пролетарская драматическая литература уже нарождается, необходимо ее поддержать постановками в пролетарских театрах, в красноармейских клубах и в рабочих организациях".

Затем конференция переходит к докладу тов. Стронина об условиях творчества пролетарского писателя.

Пролетарский писатель,—говорил в своем докладе тов. Стронин,—прежде всего революционер. Рабочий класс привык видеть в нем передового борца—вот почему на долю пролетарского писателя выпадали тяжелые удары экономического и политического гнета. Пролетарский писатель ясно сознавал свои исторические задачи и, перенося тяжелые испытания, порою даже преждевременную гибель, всегда был верен тому классу, из которого он вышел; он знал, что в освобождении рабочего класса—залог подлинного, свободного, всенародного творчества. В настоящее время, когда горизонт революционной борьбы проясняется, когда пролетариат уже близок к победе, необходимо поставить вопрос о создании наилучших условий для проявления творческих способностей рабочего класса. Ни один писатель, ни один поэт, вышедший из рабочей среды, не должен теперь погибнуть от нужды или от невозможности проявить свой талант. Рабоче-крестьянское государство должно оказать широкую поддержку писателям и писцам из рабочего класса и революционного крестьянства.

Доклад т. Стронина вызвал также оживленные прения; говорили: т. Князев, указавший на гибель одного пролетарск. писателя от материальной нужды, т. Крайский—о необходимости освобождения пролетар. писателей и предоставления им условий для творческого развития, т. Григорьев, указавший на неотделимость пролетарского художника от массы и на опасность создания привиллегированности, и др.

В заключение большинством голосов была принята по докладу т. Стронина следующая резолюция, предложенная тов. А. Машировым:

Пролетарские писатели должны об'единиться в союз пролетарских писателей, который сможет разработать и провести в жизнь нормальные условия труда пролетарских писателей.

Союз должен быть тесно связан с рабочим классом, развивать и поднимать его самосознание отыскивать и поддерживать новые таланты в рабочей среде. Союз должен вовлекать в свою среду и крестьянских поэтов, освобождая их от мелкособственных понятий и организуя их творчество в коммунистическом духе.

После доклада тов. Стронина тов. Маширов предложил этим закончить первый день конференции и направиться на собрание Петроградского Совета Раб. и Красноармейских Депутатов, который приглашал конференцию на заседание в качестве почетных гостей. Под шумные аплодисменты предложение принимается, и в 5 ч. 15 мин. первый день конференции закрывается. Всем присутствующим был предложен обед и чай в буфете Пролеткульта.

Второй день конференции открылся принятием приветствий Центральному Комитет Пролеткульта, организационному бюро по созыву всероссийского съезда писателей и редакции газ. «Правда». Затем конференция приступила к заслушанию доклада тов. Садофьева: Прошлое, настоящее и будущее пролетарской литературы.

Пролетарская литература,—говорил в своем докладе тов. Садофьев,—явление историческое, возникновение ее связано с распадом дворянского крепостнического общества и с зарождением рабочего класса. Вначале, как и следовало ожидать, она не была чисто пролетарскою. Первые неясные намеки на пролетарскую литературу мы видим в литературе народников, в произведениях Решетникова, Помяловского, Некрасова, Никитина, Гл. Успенского, Короленко и др. По мере того, как развивавшийся капитализм переваривал в фабричных котлах разорившуюся крестьянскую голытьбу, превращая ее в класс, осознавший свои исторические задачи, создавалась и чисто пролетарская художественная литература, служившая верным отражением психологии нового класса. Первыми представителями такой литературы были поэты-рабочие: Шкулёв, Нечаев, Савин и др. Но эта полоса была лишь предварительной, первые поэты-одиночки лишь подготовляли и разрыхляли почву для будущего пролетарского творчества. Разгар рабочего движения и кризис капитализма выдвинули из народных глубин такого крупнейшего пролетарского писателя, каким является А. М. Горький. Он не только крупнейший пролетарский художник, но и организатор пролетарского творчества. А. Горьким написан целый ряд статей о рабочих самоучках, он же в 1912 г. редактирует первый сборник произведений пролетарских писателей, в котором пророчески предсказывает об организации пролетариатом художественной литературы.

Реакция 1907 и 1910 г.г. послужила водоразделом между пролетарской литературой и буржуазной. В противовес Сологубам, Бальмонтам, Арцыбашевым и др. представителям разлагающейся буржуазной культуры, рабочий класс выдвинул свою литературу, правда—молодую и еще не совсем оформившуюся, но литературу активную, жизнерадостную, борющуюся и побеждающую; своих пролетарских писателей, в лице т. т. Гастева, Самобытника, Герасимова и др. Особенно это различие направлений сказалось в мировую войну, когда буржуазные поэты, разжигая национализм и шовинизм, благословляли войну за интересы капиталистов и пели дифирамбы царским генералам, а молодая пролетарская литература организовывала рабочих к революционной борьбе. Февральская революция—первый гром народного гнева—ярче всего вскрыла противоречия буржуазного общества и буржуазной культуры. Народ в лице рабочего класса и революционного крестьянства был отстранен от политической власти, и все осталось по старому. Буржуазная литература еще громче запела свои националистические песни и исступленно начала травить всех лучших вождей революции. В ответ на это пролетарская культура ответила октябрьским громовым ударом, который окончательно расколол всю литературу на два стана: литературу революционных масс и литера-

туру врагов революции. Все, что было честного в старой литературе, группировалось вокруг новой пролетарской литературы, которой история судила стать литературой мировой, общечеловеческой. Восставший пролетариат не для того взял в свои руки власть, чтобы упрочить свое господство, но организовать все человеческое общество на новых коллективно-трудовых началах, исключающих всякое деление на классы. То же самое и пролетарская литература. Она станет внеклассовой, всенародной, единственно вечной и общечеловеческой.

Доклад был встречен дружными и долгими рукоплесканиями. Выступало по докладу 15 ораторов. Оппонентом выступил тов. Д. Чертков, утверждавший, что пролетарская литература, зародыш будущей единой общечеловеческой литературы, не может. не должна отказаться от наследства дворянско-буржуазной. Пролетариат должен преклониться перед ней, а не отвергать ее. Оратор удивляется. почему на конференции не говорится о заслугах прошлой литературы. В заключительном слове тов. Садофьев дал подробные об'яснения всем оппонентам, отвечая, между прочим, тов. Черткову следующее: „Мы не варвары, мы сохраним все, даже и то, что писалось против нас. Наше отрицание буржуазной литературы—во имя творчества новой, коммунистической литературы“. Предложенная докладчиком резолюция принимается огромным большинством голосов. Текст резолюции следующий:

1) Пролетарская литература, неразрывно связанная с организацией рабочего класса, порожденная в эпоху распада дворянского крепостнического строя, сначала капиталистического, явилась законным преемником литературы трудящихся масс и организующим началом рабочего класса, выявляя в художественных формах идеологию борющегося пролетариата.

2) Принимая во внимание, что пролетариат, как класс, исторической необходимостью призван разрушить старый, основанный на угнетении и рабстве капиталистический строй и стать классом господствующим, классом, строителем нового коммунистического общества, поэтому и его классовая пролетарская литература, создаваемая самим пролетариатом, должна воспитывать и оформлять его классовое самосознание на основах коллективизма и товарищеского сотрудничества.

3) В революционную эпоху пролетариат, свергая класс угнетателей, стремится не к порабощению их, не к созданию привилегии или нового класса угнетенных, а к уничтожению классов вообще, поэтому эя вечен, и его классовая пролетарская литература является литературой, сменяющей дряблую, индивидуалистическую, безвозвратно уходящую в архив истории, буржуазно-революционную литературу. Пролетарская литература, и только она, есть основа Вечной, Внеклассовой и Общечеловеческой литературы.

После доклада слово для приветствия от газеты „Правда“ предоставляется тов. Куделли:

„С чувством глубокого удовлетворения приветствует „Петроградская Правда“ первую конференцию пролетарских писателей. В этот момент невольно переносишься за несколько лет тому назад, когда идейная предшественница „Петроградской Правды“—газета „Правда“, терзаемая самодержавием и презираемая буржуазной прессой, смело и бодро подняла красное знамя революционного марксизма. Она звала пролетариев к организации, к творчеству, к выявлению своих литературных способностей. И теперь „Петроградская Правда“ гордится тем, что на страницах ее предшественницы впервые блеснули имена пролетарских поэтов, беллетристов и журналистов. Тогда это были только единицы, теперь перед нами целая плеяда. Первая конференция пролетарских писателей имеет громаднейшее значение. Она сплотит идейно своих участников, она двинет их вперед в смысле дальнейших достижений в творчестве, она двинет вперед развитие пролетарской культуры. Да здравствует первая конференция пролетарских писателей“!

Дружные аплодисменты.

После этого конференция переходит к докладу тов. Тихомирова „Об организации революционной эстрады“.

Товарищи, организация революционной эстрады имеет огромное организующее значение для рабочих масс, крестьянства и особенно для Красной Армии. В настоящий момент, когда происходит решительная схватка труда с капиталом, необходимо приложить все силы для организации, сплочения и поднятия духа революционных масс. Недопустимо возлагать всю воспитательную, идейную работу на артистов, вышедших из буржуазной среды и не порвавших с буржуазным понятием искусства. Мне самому приходилось побывать на фронте и воочию слышать и видеть, как вместо коммунистических идей такие артисты преподносят красноармейским массам какую-то розовую водицу из старого репертуара. Нам, пролетарским творцам, необходимо самим взять инициативу в деле организации пролетарского искусства. Все честные, революционно настроенные артисты, писатели, певцы должны об'единиться вокруг пролетарской революционной эстрады: она должна стать трибуной пролетарского искусства, которое свяжет нас с трудовыми массами. Пролетарский поэт огненным словом подымет энергию масс и организует их для борьбы за коммунизм, певцы революционными песнями вдохновят пролетарскую душу, оркестры и хоры своими громовыми звуками выразят титаническую борьбу революционного народа. Весь художественный материал революционная эстрада должна черпать из новых пролетарских произведений. Исполнители, главным образом—деятели, вышедшие из рабоче-крестьянской среды. Только сам революционный народ создаст свое революционное искусство. Революционная трибуна должна быть организована при Петроградском Пролеткульте.

Да здравствует революционная эстрада—зеркало пролетарской культуры!

Доклад тов. Тихомирова единодушно был принят собранием, выступавшие ораторы только дополняли и развивали положения докладчика. В заключение была принята следующая резолюция:

Необходимо организовать центральную революционную эстраду, которая об'единила бы всех пролетарских поэтов, актеров, певцов и музыкантов и связала бы их с трудовыми массами. Революционная эстрада должна служить средством художественной пропаганды коммунистических идей. Ее программа должна быть строго революционной, коллектив участников — проникнут коммунистическим сознанием. Революционная эстрада должна обслуживать Красную Армию, рабочих и крестьян и находиться в ведении Петроградского Пролеткульта.

Затем конференция заслушивает доклад тов. Куделли „О значении пролетарского клуба в деле развития пролетарской литературы“ и единогласно принимает следующую резолюцию:

Все пролетарские клубы должны строиться по типу Пролеткульта. Все члены клуба должны входить в литературные, научные, драматические, художественные или хоровые кружки. Параллельно с этим необходимо организовать и детские клубы на таких же началах и с такою же целью.

Необходимо создание пролетарской художественной литературы для детей.

Последним докладом 2-го дня конференции был информационный отчет тов. Бердникова о Литературной Студии Петроградского Пролеткульта.

„Если мы говорим о необходимости коллективного пересмотра ценностей культуры с нашей, коммунистической точки зрения, то такой мастерской является Литературная Студия. Только сплотившись в тесный коллектив Литературной Студии, мы сможем подробно разобраться в наследии прошлого и наметить новые вехи пролетарской литературы.“

Вот несколько цифр, иллюстрирующих работу Литературной Студии Петроградского Пролеткульта:

Возникла она 15-го февраля 1919 г. При открытии записалось 50 чел., из них 44 мужч. и 6 женщ. За период с 15-го февраля по 1-ое декабря на каждую лекцию приходилось в среднем 19 человек. К концу отчетного года в студии осталось 25 человек. Программа курса состояла из русского языка, истории литературы, теории словесности, семинария стиха, критики, материальной культуры, чтения образцовых и своих произведений, товарищеской критики и обмена мнений и отдельного курса о задачах пролетарского творчества. Состоялось лекций с 15-го февраля по 1-ое декабря 138, читало 8 лекторов, чтение продолжалось 305 часов. Практическими занятиями сопровождались 62 лекции. Студистами было сделано 22 доклада и 15 рефератов.

С произведениями в печати выступало 16 студистов; в клубах — 12, на митингах — 10, на фронте — 10, на вечерах и концертах — 24 чел.

Вы видите сами, что, несмотря на крайне тяжелые военные условия, пролетарские писатели проделали огромную работу над самообразованием, и результаты этой работы уже сказываются в их произведениях.

Литературная Студия—это первый серьезный шаг ознакомления с литературным творчеством к изучению элементов художественного произведения“.

Собранием доклад принимается к сведению и предлагается союзу пролетарских писателей принять самое активное участие в работах литерат. студий, а так же добиваться применения к студистам общего положения о студентах рабоче-крестьянских университетов и о социальном обеспечении.

Заключительным аккордом 2-го дня конференции был вечер пролетарских поэтов, в котором принимали участие театральная и вокальная студии Пролеткульта, хор и все присутствующие на конференции пролетарские поэты. На вечере был предложен всем присутствующим товарищеский ужин и кофе.

3-й заключительный день конференции открывается докладом тов. Грошикова „О технике пролетарского искусства“, который вызвал чрезвычайно оживленные прения. „Товарищи,—говорил в своем докладе Грошиков,—кто осмелится утверждать, что рабочий поэт должен довольствоваться самыми примитивными стихотворными формами и совершенно не иметь понятия о пушкинском ямбе или о строфе Спенсера. Содержание не отделимо от формы, и мы должны создать новую форму. Но создать ее можно, только изучив образцы старой поэзии. Сейчас в наше героическое боевое время от нас никто не в праве потребовать иной поэзии, кроме поэзии железных усилий, поэзии борьбы, поэзии призывов. Но будет время—от нас будут ждать иных мотивов, иных переживаний. Вот тогда-то и должны мы явиться во всеоружии стихотворной техники, тем более, что буржуазные поэты еще не исчезли. Мы должны изучить все, что относится к стихотворной технике, и тогда мы сумеем шагнуть дальше к созданию новой формы поэтических произведений.

Будем учиться, товарищи, будем приглашать в студию опытных лекторов, хотя бы и не из нашего лагеря. Они нам не страшны.

Возьмем от них все лучшее, что они могут нам дать, и пойдемте дальше к созданию своей пролетарской поэзии, новой не только по содержанию, но и по форме".

В прениях участвовали: тов. Филиппов, указавший на широкую будущность коллективного творчества; т. Невский, возражавший против того, что буржуазная литература сгубит молодые ростки пролет. литературы; тов. Д. Чертков, подтверждавший необходимость изучения техники. Нужно, говорил он, привлечь буржуазных поэтов на нашу сторону. Нужно ознакомить массы с литературными образцами прошлого. Необходимо издать пособия для стихотворной техники; тов. Маширов, который говорил, что нельзя ударяться в крайность и изучать только одну технику, необходимо связывать ее с содержанием; т. Крайский, утверждавший, что новые формы поэзии явятся при изменении жизни и психики.

В заключение, большинством голосов была принята резолюция, предложенная тов. Машировым:

Пролетарская литература должна посредством художественных обобщений отражать весь коллективный опыт трудовых масс, ее назначение давать наибольшее количество переживаний в материальной и духовной жизни для наибольшего количества людей, поэтому она должна быть художественна и доступна по форме и содержанию.

Для того, чтобы содержание пролетарской литературы выявилось в совершенной и соответствующей духу времени форме, необходимо изучение техники литературного творчества. Пролетарский писатель должен уметь писать, он должен изучить историю слова, его ритм и музыку, законы гармонии образов, мысли и техники. Но изучение техники слова не должно быть оторвано от жизни или стоять выше над ее изучением.

Современный сложный момент требует от нас наибольшего изучения именно содержания жизни, поэтому пролетарский писатель должен беспрерывно пополнять свой запас знаний и умножать свои наблюдения над жизнью, памятуя, что новое содержание определит и новую форму.

Пролетарский писатель является организатором коллективного творчества масс, его будут читать десятки и сотни тысяч рабочих, поэтому на нем лежит огромная моральная ответственность перед ними за пользование литературным словом.

Необходимо нам же озаботиться скорейшим изданием популярных брошюр по изучению техники литературного творчества, привлекая к этому труду наилучшие художественные силы. Руководство по заведыванию литературными студиями по возможности должно возлагаться на писателя общественника, стоящего на точке зрения интересов рабочего класса.

Вторым докладом конференция заслушивает т. Стронина, кратко указавшего на необходимость организации литературных кружков. Резолюции никакой не выносится, так как основные положения докладчика вошли в резолюцию по докладу тов. Куделли.

После обеденного перерыва конференция открылась докладом тов. Князева „О буржуазной литературе". Тов. Князев указывает, что в так называемых „домах литераторов", в которых обитают писатели [illegible] настроенные против Советской власти, недавно произведены растраты народных средств, что установлено ревизией, как например в доме Гинсбурга на Васильевском Острове.

Кроме того, союзом драмат. писателей ведется счет лицам, находящимся в белогвардейском стане. Дальше, он нарисовал тяжелую картину быта пролетарских писателей, из которых не один умер от голода. После бурных прений, в которых принимает участие до 15 ораторов, тов. Князев в заключительном слове указывает, что факт остается фактом,—что буржуазные писатели получают преимущества от государства, а пролетарские писатели испытывают лишения, что буржуазные писатели издаются, а пролетарские—нет. После поправок и дополнений большинством голосов принимается следующая резолюция по докладу т. Князева:

1. Конференция считает недопустимым существование союза буржуазных литераторов в доме Гинсбурга на Васильевском Острове, после установления там фактов расхищения народных средств.

2) Поступающий в Общество Драматических Писателей гонорар за постановки произведений писателей, изменивших народу и перекочевавших на сторону белых, конфисковать в пользу пролетарского государства, а не пересылать за границу на поддержку белым.

3) Необходимо очистить библиотеки от литературных произведений, имеющих бульварный характер.

Дополнение А. Маширова.

Конференция пролетарских писателей клеймит позором тех представителей старой литературы, которые, вопреки всем традициям русской литературы, изменили народным массам, встали на защиту капиталистов и свои литературные способности используют на борьбу против рабочего класса и революционного крестьянства. В то же время конференция приветствует всех честных писателей, которые в эпоху завоевания власти трудящихся без колебания встали на их сторону и оказывают огромные услуги в деле организации пролетарского литературного творчества. Конференция признает необходимым иметь союзу пролетарских писателей своего представителя в Государственном Издательстве.

После принятия резолюции председатель конференции тов. Маширов, в виду позднего времени, предложил снять поступивший во время конференции доклад о пролетар. критике и перейти к обсуждению устава союза пролетар. писателей и к выборам правления и делегатов на всероссийский с'езд писателей. Большинством голосов предложение принимается с изменением прежде произвести выборы на всероссийский с'езд. Намечено было 12 кандидатов, по обсуждении которых большинством голосов выбранными оказались: т.т. И. Садофьев (26 г.), З. Невский (25), П. Арский (24), Н. Тихомиров (24), А. Крайский (19). Кандидатами: т. Логинов, Князев и Чертков. Тов. Маширов свою кандидатуру снял, основываясь на том, что он входит в организ. бюро по созыву с'езда. Затем конференция приступает к обсуждению союза пролетар. писателей. Докладчик А. Маширов знакомит с историей об'единения пролетарских писателей и оглашает проект устава, выработанный организационным бюро, который после различных поправок, изменений и дополнений принимается в главнейших частях в следующем виде:

I. Цель и задачи Союза. Об'единяя всех пролетарских писателей, главным образом вышедших из рабоче-крестьянской среды и заботясь об улучшении их материального положения, Союз ставит себе целью подготовку из них деятелей пролетарской культуры, путем оформления и развития их литературных дарований в духе коммунистических идей, как борцов и строителей всемирного братства трудящихся.

II. В осуществление своей цели Союз ставит себе следующие задачи:

а) Заботу об улучшении материального и экономического положения пролетар. писателей, пользуясь всеми правами профессиональных союзов и входя, как секция, во Всероссийский Союз Работников Искусств.

б) Представительство и защиту интересов пролетар. писателей в общественных и государственных организациях.

в) Вовлечение в члены Союза новых талантов из рабоче-крестьянской среды и оказание им товарищеской поддержки.

г) Организацию лекторского и агитационно-пропагандистского бюро по всем вопросам пролеткультуры, организацию революционной эстрады и клуба пролетарских писателей.

д) Организацию пролетар. литературных студий литературных кружков, школ и курсов журналистики.

е) Устройство литературных вечеров, лекций, концертов, диспутов, митингов и участие в народных празднествах.

ж) Организованное обслуживанье литературными произведениями пролетарских журналов и газет.

з) Организацию издательства пролетар. литературы, входя для этого в соглашение со всеми государственными издательствами.

и) Участие во всех с'ездах, конференциях, со[illegible] характер и касающихся вопросов пролетарской культуры.

III. Всю свою работу Союз согласует с основными положениями коммунист. партии и III-го Интернационала, стремясь к скорейшему осуществлению в жизни коммунистического строя.

IV. В состав Союза пролетар. писателей входят все деятели в области пролетар. художественной литературы, журналистики, критики и журналисты, вышедшие из рабоче-крестьянской среды, и пролетарские писатели из интеллигенции, стоящие на точке зрения рабочего класса и Советской власти.

V. Не могут быть членами Союза писатели, враждебные рабочему классу и его задачам, к какому бы классу они ни принадлежали.

VI. Правление Союза состоит из пяти членов и к ним трех кандидатов.

Утвердив в основных положениях устав союза, конференция переходит к выборам правления. Было выставлено 13 кандидатов. Большинством голосов выбраны в правление Союза: А. Маширов (28 г.), П. Арский (21 г.), И. Садофьев (19 г.) З. Невский (17 г.), Н. Тихомиров (13 г.), Кандидатами: т.т. А. Крайский, Я. Бердников и Чертков.

После выборов и целого ряда заключительных приветствий тов. Маширов подвел итоги работ конференции, призывал к дружной работе по осуществлению намеченных задач и об'явил конференцию законченной. С пением Интернационала и с возгласами: „Да здравствует Росс. Коммунистическая партия", „Да здравствуют вожди пролетарской революции", „Да здравствует наша первая рабочая газета „Правда" и пролетарские поэты" 1-ая Конференция пролетарских писателей Петрограда и Петроградской губ. закрывается.

А. М.

Редактор: Коллектив.

Временный адрес Правления Союза Пролетарских Писателей: Итальянская, 29, кв. 6.

17-ая Государственная Типография, 7-ая рота д. 26.

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 1920

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

Содержание № 3.

Сотрудники журнала: **П. Арский, Н. Белов, Я. Бердников, В. Быстрянский, Васильевский, А. Веснина, А. Гастев, Грошик (Копейкин), Ф. Грошиков, Кий, В. Кириллов, Н. Клюев, И. Книжник, А. Крайский, П. Куделли, Лебедев-Полянский, К. Лоптин, А. Маширов (Самобытник), К. Озоль-Преднек, Н. Окский-Власов, Л. Покровский,** [illegible] **Н. Тихомиров, И. Шувалов** и др.

№ 3. Петроград, улица Пролеткульта, 2 **1920 г.**

Пролетарская революция в Германии—лучший урок для классового воспитания мирового пролетариата. Она еще раз подтверждает старую истину, что, пока государственная власть находится не в руках рабочего класса, она всегда будет направлена против революции, против трудящихся, против коммунистической культуры. С другой стороны, она окончательно срывает маску с идеологов мелкой буржуазии, этих социалистов, вскормленных молоком буржуазного строя.

Вместо того, чтобы окончательно подавить сопротивление капиталистов, уничтожить частную собственность, вооружить рабочих и провозгласить советскую власть, германские Чхеидзе и Черновы, захватив государственный аппарат власти, продолжают натравлять против рабочего класса, против пролетарской революции. Прикрываясь громкими фразами об учредительном собрании и выкриками о большевистской опасности, они повели самую беспощадную, самую циничную борьбу с международным коммунизмом.

Чтобы спасти своего падающего собрата—немецкую буржуазию, эти ядовитые отпрыски буржуазной культуры не задумались даже перешагнуть через трупы лучших вождей мировой революции. О, недаром международный капитал устами своих послов выражал свое удовлетворение по поводу возвращения Носке и Шейдемана к власти и ликвидации авантюры немецких генералов! Лучших церберов буржуазного строя трудно было бы выкормить!

Но коммунистическая культура не умирает. Разбуженный новым набатом пролетарской революции рабочий класс Германии сделал новую героическую попытку освободиться из соглашательских тисков. Снова взвилось красное знамя коммунистической революции, поднятое К. Либкнехтом и Р. Люксембург, снова зазвучали их лозунги—диктатура пролетариата,—и сразу изменилось лицо международного капитала: забегало беспокойное радио американской биржи, зловеще задвигались полчища палача Фоша, угрюмо насторожились английские броненосцы.

Мы еще не знаем, придет ли на этот раз германский пролетариат к своему октябрю, но мы твердо знаем, что германский рабочий снова прорывает фронт социал-предателей и идет вместе с Российским пролетариатом.

Чем бы ни кончилось это новое восстание германских коммунистов, все наши симпатии с ними.

Всего света беднота дивуется, любуется дерзанием труда, беззаветною отвагой, единеньем городов и деревень.

А богатые всех стран ужасаются, пугаются их дел, сеют, веют клевету и затеяли войну, окружают бедноту, помогают богачу.

— Хотят старое вернуть!

— А нам новое подай!

— Были в прошлом терпеливы, будем ныне выносливы!

— Было в прошлом нам темно, станет в будущем светло!

Год проходит и другой, льется кровушка рекой, голодают в городах, разоренье в деревнях, Была помощь им мелькнула: зарубежны бедняки выступали и свергали древни троны и короны, окрыляя на борьбу с игом знати и богатства, но призывные слова к мировому единенью заглушили голоса мягкостельные вождей, социал-лжецов и трусов, да орудий гул и гром, патриотов трескозвон.

— Будем биться и одни!

— Смерть милей в бою с врагом, чем стать вновь его рабом!

Мало хлеба в городах, нет товаров в деревнях,—стали выходы искать.

Вот рабочий в одну руку взял бумажные станки и печатает рубли, а другою отливает и кует пули, пушки и штыки.

А крестьянин хоть и жмется, помогает земляку хлебом, сеном и скотом, но за то и не за то гонит цены себе вверх.

Денег много появилось,—хоть все стены оклеи, но никто не был им рад.

— Ты товарцу мне подай!

И рабочий пособрал свои излишки, все домашние пожитки и направил к мужику.

Приоделись, точно баре и купцы: сам в калошах, при цепочке золотой, в юбке шелковой жена, дочка в шляпе, жемчугах, сын в штиблетах и цилиндре раз'езжает на цыклете, а на чистой половине мебель мягкая стоит, под божницею орган, на лежанке граммофон.

Догола раздет рабочий, в рвани старой жена ходит, босы бегают ребята, все голодны и холодны, без приварка и без дров, уплотняются в палатах, во дворцах, особняках.

— Если б хлебца ко всему!

— Нет товарца никому!

Жить нерадостно на свете.

Нет ни гвоздика в деревне, колес нечем обтянуть, не допахана полоска, не докошены луга, чем досыпать закрома?

Замер порт, позаржавели краны, припумолкли по окраинам гудки, на дрова пошли дома, а по улицам ухабы, лишь на вывесках товары.

— А сдаваться погодим!

— Свою власть мы отстоим!

Одиноки были в мире, но в союзе меж собой, и священный их союз был погибелен для ратей черно-белых генералов.

По волнам бурливым Белого, по гребням пенистым Черного покидали Русь мятежную генералы, демократы и союзны дипломаты. И на всем просторе вольном оставалися сам-друг пролетарий и крестьянин.

Кругом глянули себя—разоренная страна: ни кола к ни двора в городах и деревнях, но и нищий хоть опорками владеет. Сколько хлеба, сколько леса, есть и уголь и железо, только не на чем возить. Воевали—было некогда считать, лишь бы власть и землю отстоять!

Стали видны острова, золотые берега, где всем солнышко светило, братством, равенством манило.

Видят оба земляка: путь к ним держат мудрецы, все ученые, певцы, музыканты, живописцы, инженеры, астрономы, журналисты и поэты, все служители наук, все поклонники искусств.

Подошли и говорят:

— Поздравляем вас с победой!

— Мир теперь не за горами!

Вздымались волны бурные, а в гребнях их не пена белая, но кровь все алая рабочая, крестьянская кипела, пенилась. Не бунт то черни был и не безумство смельчаков, то революция великая и множества прозрение.

— Где были вы, пока страдали мы?

— Они все ждали и гадали: где правая, где левая, уютней и сытей?

То дело было новое, для мира небывалое,—в путях сбивалась и история—как не просчитаться было им?

— Мы знаем многое, что никому и в снах не грезилось. Хозяйство заведем мы образцовое, украсим мы дворцы, хоромы возведем, машинами обставимся и легко заживем. С песнями, музыкой в царство равенства войдем!...

— Мы посмотрим вас на деле, — отвечают земляки.—Нам по новому все надо: чтоб один котел на всех, из которого и черпай, сколько на душу придется. А сработаешь сверх нормы, будет премия в натуре...

Солнце скрылось за пригорком, дрожь по телу пробежала, и очнулись земляки.

— Хоть бы к ночи нам добраться до села!

И пошли из лога в гору ясновидцы-бедняки.

Кий.

Вождь мировой революции.

10—23 апреля исполнилось 50 лет со дня рождения Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Нельзя не отметить этой годовщины человека, к которому приковано теперь все внимание всего мира, потому что от его дум и дел зависит ближайшее будущее всего современного человечества.

Иной скептик спросит: можно ли одной личности придавать столько значения?

Мы все знаем, что революция в России и совершающиеся теперь революционные восстания и вспышки в других странах обусловлены материальными кризисами, вызванными мировой войной. Но русская революция могла бы и по сей день не привести к диктатуре пролетариата, а лишь к вящшему порабощению его в условиях буржуазного парламентаризма, если бы в памятные дни октября 1917 года, когда и испытаннейшие вожди пролетариата не решались взять власть, Владимир Ильич своей гениальной интуицией не понял, что момент для провозглашения пролетарской диктатуры наступил, и если бы он твердой волей не сумел повлиять на колеблющихся товарищей, чтобы и они повели рабочие массы к власти.

Личная заслуга Владимира Ильича в том, что октябрьская революция произошла как раз во-время и оттого оказалась успешной, неоспоримо признается теперь всеми, кто знаком с первоначальной ее историей.

Последующие события явились уже необходимым следствием удачного октябрьского переворота.

Но ко времени возобновления германского наступления перед Брестским миром пролетарская революция в России могла пойти прахом, и опять только гениальная интуиция Владимира Ильича, подсказавшая ему необходимость заключения мира в расчете на германскую революцию, и его твердая воля, сумевшая повлиять на всех противников Брестского мира при всей их многочисленности и авторитетности,—спасли пролетариат России и повлекли за собою революции в Австро-Венгрии и Германии и в нескольких других небольших государствах.

С тех пор положение пролетарской России становилось все более прочным, несмотря на несметное количество ополчавшихся на нее врагов, и самый факт продолжающегося существования «правительства Ленина», как знамени рабоче-крестьянской власти, стал возбудителем революции во всем мире. Отныне ни одна страна, в которой есть сознательный пролетариат, не утихомирится до тех пор, покуда в ней не будут упразднены привиллегии собственников, и земля, фабрики и заводы не станут всенародным достоянием.

Владимир Ильич и теперь является самым великим государственным умом, потому что он—единственный из политиков, преодолевший государственность во имя любви к обездоленным всех стран, и до тех пор, пока жив Владимир Ильич, мы верим и знаем: отклонения в сторону от главной цели не будет, и потому нет опасности возврата старого режима.

Первый из государственных людей Владимир Ильич ведет настоящую мировую политику, рассчитанную на вовлечение в сознательную историческую жизнь сотен миллионов и миллиардов людей, независимо от разделяющих их государственных границ. Благодаря Владимиру Ильичу изменился облик нашего народа, забитого и темного, и с каждым днем он становится просвещенное и работоспособнее. Через какой-нибудь десяток лет Россия станет совершенно обновленной знаниями и организованным трудом и окажется достигшей таких результатов, каких до сих пор народы достигали только веками. А под влиянием тех великих перемен, которые совершаются в России, меняется облик народов и во всех других странах.

Во всем мире нет сейчас деятеля, имя которого было бы так известно и так волновало бы и широкие народные массы, и привиллегированные высшие классы, как имя Владимира Ильича. Угнетенные всех стран, даже таких, как Индия и Китай, стоявших до сих пор в стороне от современного движения пролетариата, видят во Владимире Ильиче воплощение своих чаяний и надежд, а эксплоататоры всего мира страшатся торжества его планов и борются с ним, чтобы свалить его. Но и на друзей и на врагов производит одинаково большое впечатление величие его слов и дел.

Владимир Ильич это—знамя грядущего нового человечества, освободившегося от экономического и политического рабства, поголовно просвещенного и об'единенного для радостного труда. Его проклинают враги человечества, его имя благословляют миллионы обездоленных. Близко время, когда люди всего мира будут славить его, как доброго гения человечества.

Да здравствует долгие годы Владимир Ильич, вождь мировой революции!

Ив. Книжник.

Интеллигенция и пролетарская культура.

Вопрос о пролетарской культуре не новый. Он поднят был у нас еще задолго до Октябрьской революции известным писателем А. Богдановым в его статьях «Из психологии общества». Они печатались в журнале «Образование» приблизительно в 1903 и 1904 годах и обратили на себя всеобщее внимание.

Психологию того или иного класса и выдвинутые им экономические и философские теории автор характеризует экономикой данной эпохи.

Отсюда неизбежно вытекал вопрос и о психологии пролетариата и о грядущей пролетарской культуре.

Бурный 1905 год и наступившая за ним реакция отсрочили временно дальнейшее развитие и углубление выдвинутой теории. Тем с большей силой вспыхнула она теперь, воскреснув вместе с пролетарской революцией. Пролетарская культура стала лозунгом дня наравне с другими боевыми лозунгами пролетариата, она воспринимается массами, она выдвинула и своих теоретиков, вышедших из рабочей среды.

Буржуазная рядовая интеллигенция и многие буржуазные писатели встретили новое явление насмешками и в лучшем случае весьма неубедительной критикой. Но интерес к себе пролетарская культура вызвала огромный, что вполне доказала дискуссия по этому вопросу, устроенная не так давно писателями из Дома искусств. Собралось очень много самой разнообразной публики. Одни явились разносить пролетарскую культуру, другие ее защищать, третьи проверить себя, четвертые хотя бы для того, чтобы немного выяснить себе, в чем дело, что за штука новоявленная культура.

Дискуссии были интересны тем, что вскрыли физиономию выступавших интеллигентов и в этом смысле были довольно показательны. Буду говорить лишь об общем впечатлении, не всегда связывая его с определенными ораторами.

Прежде всего обнаружилось, что большинство буржуазной интеллигенции и до сих пор не разобралось в вопросах марксизма, и до сих пор, с легкой руки старых народников, марксизм мыслится ими, как теория механического прогресса. «Бытие определяет сознание», учат марксисты, отсюда наши противники делают вывод, будто марксисты всецело отдают себя в руки стихийного движения, которое само по себе без участия человеческой воли приведет в конечном счете к социализму.

Что может быть сумбурнее подобного представления о марксизме, и как не стыдно до сих пор, и в особенности в наши дни, когда выявляется воля пролетариата, стоять на такой наивной точке зрения?

«Бытие определяет сознание», говорим мы. Но раз вспыхнул факел сознания, то этим самым дается возможность его торжества над необходимостью торжества разума над стихийным процессом.

Бельтов-Плеханов в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (стр. 233) говорит: «Человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является ее продуктом. Но раз явился этот продукт, он не должен, и по самой природе своей он не может подчиниться завещанной прежней историей действительности, он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сделать ее разумною...

«Я червь, пока я невежествен... я бог, когда я знаю».

И что именно так идет развитие общества, подтверждается всей историей рабочего движения в Европе и России.

Где и когда коммунисты плыли по течению стихийности, сложив на груди ненужные руки?

Осознав причину эксплоатации, они борются с нею, опираясь на об'ективные условия развития, они ведут свою борьбу за лучшее будущее, за новый строй. Они пробуждают сознание масс во имя новой жизни и новых достижений. Вот благородная задача марксистов-коммунистов, а вовсе не преклонение перед стихийностью.

Отсюда ясно само собою, что класс, который раньше создавал, главным образом материальную культуру, одухотворенный мощью пролетарского сознания, выявляет уже и выявит в будущем свою культуру, которая будет и общечеловеческой.

Один только Андрей Белый стоял ближе к нашей точке зрения, другие же или совсем отрицательно относились к пролетарской культуре, или, как футуристы, например, заявляли, что их творчество и есть самая настоящая пролетарская культура.

В заключение не мешает остановиться на истерической речи гражданина Гизетти. Он в полном смысле этого слова отрицательно относится к вопросу о пролетарской культуре. Культура, по его мнению, движется вперед критически-мыслящими личностями, интеллигентами, выходцами из разных классов общества, а отнюдь не «вчерашними рабами».

«Вчерашние рабы»—это его подлинное выражение.

Прежде, чем ответить на этот вопрос, надо разобраться сначала, кто «вчерашние рабы». Освободивший ли себя и других пролетариат или интеллигенция? Российский пролетариат, потрясая двойными цепями, давно уже на протяжении десятилетий поднял знамя бунта против царизма и капитала. В процессе этой борьбы он выковал из себя свободного человека-борца. Длительная и упорная борьба за свое освобождение видоизменила его духовную природу, сделав его борцом и строителем новой жизни.

Кто же после этого раб?

Интеллигенция в широком смысле слова.

Она всегда была рабом царизма и капитала. Борьба рабочего класса освободила ее от рабства. Многие надеялись, воспользовавшись чужой победой, взять власть в свои руки и править пролетариатом по своему усмотрению, но он отбросил их от себя, как ненужный хлам. И вот перед нами трагикомедия: злоба вчерашнего раба, которому не удалось стать господином.

Но не злобою отдельных лиц и отдельных групп движется вперед колесо истории.

Победа пролетариата во всем мире с каждым днем воплощается в жизнь, а вместе с ней растет и крепнет пролетарская культура. И ее мощного движения вперед не смогут остановить истерические речи воинствующей интеллигенции.

П. Куделин.

Об условиях творчества пролетарских писателей.

Во всех буржуазных революциях интеллигенция обязательно принимала участие и, так сказать, расцвечивала их, опоэтизировывала, внося в них колоритную романтику. Это происходило потому, что буржуазные революции были делом рук и интеллигенции, поскольку последняя призывала к борьбе с феодализмом или крепостничеством и их пережитками.

Иначе обстоит дело с революцией и интеллигенцией в России. В 1905 и в 1917 годах (до октября) интеллигенция принимала живейшее участие в наших революциях и была в известном смысле творцом и вдохновителем их, и они были ее делом, поскольку избавляли ее от всех пережитков крепостничества и абсолютизма.

Со времени же 25 октября интеллигенция резко отвернулась от революции, хотя последняя и становилась одною из величайших в мире, но в то же время исключительно рабоче-крестьянской. Теперь на первый план выступили интересы бедноты городов и деревень, но не интеллигенции, в рядах которой преобладали буржуазные запросы, склонности и привычки, а поэтому...

Рабочие и крестьяне остались одни во главе лишь с горсточкой интеллигенции. Немудрено, что в конце концов стало некому украшать и воспевать величайшую в мире революцию. Сама по себе революция затмила все бывшие до нее, но пролетариат не успел еще создать те литературные и художественные силы, мастеров слова, пера, кисти, звуков, словом, всех видов творчества в искусстве, и тем более в науке и философии, которые могли бы создать в разгар борьбы что-либо исторически крупное в литературе, живописи, музыке и т. д.

За время мощного развития нашей революции, широко и глубоко захватывающей массы пролетариата и крестьянства, за время двух лет героической борьбы и коренной ломки хозяйственных устоев, самых прочных в мире, ничего крупного не создано в искусстве, настолько крупного, что могло бы иметь историческое значение. Несомненно, в этом громадная вина лежит на интеллигенции, потому что лишь в ее рядах могли быть мастера своего дела во всех областях искусства, науки и философии, и поэтому не пролетариату приходится краснеть пред лицом истории, а интеллигенции.

Чисто пролетарская литература наших дней, разумеется, не блещет ни формой, ни содержанием, потому что пролетарии еще только учатся творить и создавать свою литературу, которая отображала бы в себе все происходящее кругом. Во всей литературе пролетариата не может не проглядывать вольное и невольное подражание не только классикам, но и вообще своим предшественникам даже менее крупного калибра. В литературе пролетариата есть и оригинальное, самобытное, но оно, несомненно, занимает меньше места, чем подражательное, и главным образом должно быть отнесено к содержанию и настроению произведений. Через все произведения пролетарских писателей проходит одна основная черта—призывность, бодрость, непоколебимость в достижении намеченных граней. С этой точки зрения пролетарская литература достаточно ярка, выпукла и колоритна, чтобы с уверенностью сказать, что наши низы, рабочие и крестьяне, в ближайшем же будущем выдвинут из своих рядов талантливых и гениальных людей во всех областях духовного творчества, во всех областях искусства, наук и философии.

За это говорит даже один только размах просветительной работы советовластия, которая столь интенсивно ведется на всем протяжении Советской России.

Наши литературные классики, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, наши литературные публицисты и критики, как Белинский, Добролюбов, Писарев, Чернышевский, наши литературные величины позднейшего времени, как М. Горький, Андреев, Вересаев, Арцыбашев и т. д. или с первых же шагов на своем поприще были в условиях, максимально благоприятных для творчества, или сравнительно быстро становились в таковые. В жизни людей громадное значение имеет экономика, и чем меньше сил и внимания уделяется ей, тем больше времени может оставаться у людей на более ценное в жизни, чем заботы об обыденном существовании.

В наше время и тем более в столицах особенно тяжелы условия материального быта, но дело не только в них одних. Всякое творчество, в том числе и литературное, требует максимального досуга, тогда как пролетарские писатели в большинстве случаев обладают лишь минимальным досугом. Само собой, что эти неблагоприятные условия внешнего быта не могут не влиять на продуктивность творчества пролетарских писателей, и именно влиять в худую сторону. Чем больше будет неблагоприятных условий, тем медленнее будет расти пролетарская литература, а разве это в интересах пролетариата, крестьянства и советовластия?

Литература—могущественнейшая сила, не менее могущественная, чем когда-то была религия. Стоит, например, вспомнить хотя бы борьбу нашего старообрядчества с православием, чтобы не сомневаться в этом и видеть силу веры людей, которые ради лучшего будущего даже сжигали себя. Да зачем, впрочем, углубляться в прошлое, когда налицо настоящее: разве не вера в социализм (хотя бы и каждым по своему понимаемый) побуждает рабочих и крестьян выносить все тяготы борьбы за него? Несомненно, уверенность в этом, а разве уверенность в этом не создается усилиями литераторов, в том числе и пролетарских писателей? Эти усилия громадны, потому что литературные силы самих пролетариев, крестьян и той

интеллигенции, которая целиком прониклась интересами бедноты, весьма ограничены сравнительно с потребностями.

Революционные литераторы, из каких бы они рядов ни проэходили, вынуждены в наши дни работать усиленно, и трата их сил несоразмерна с возможностью их восстановления из-за массы работы, скудости питания и часто однообразия всей совокупности обстановки, в которой им приходится жить и работать. Литературные силы, которыми Советская Россия не столь богата в данное время, должны быть поставлены в наилучшие условия максимальной производительности и максимального воспроизводства их. Как же это сделать?

Об этом должен позаботиться весь класс пролетариев и все беднейшее крестьянство, потому что пролетарский литератор, будь он беллетрист, поэт, публицист и т. д., освещает пути бедноте, пути к лучшему и кроме того окрыляет, вдохновляет их те усилия, которые приходится делать бедноте городов и деревень в целях достижения лучшего будущего. Массам пролетариев и крестьян необходимо дать максимум из возможного для пролетарских писателей в смысле условий быта и творчества. Практическое же осуществление этого и мог бы взять на себя союз пролетарских писателей, всероссийский с'езд членов которого уже становится в порядок дня.

Все те немногие силы пролетарских писателей, которые уже признаны, уже проявили себя в тех или иных областях творчества, должны быть поставлены в лучшие условия питания, например, в такие же, в каковые поставлены ученые. Все эти силы следует освободить от всяких технических или сторонних работ и тем более производимых ими ради лишь того, чтобы иметь лишний заработок и вообще какой бы то ни было заработок ради куска хлеба. Это необходимо для того, чтобы предоставить им полную возможность отдаваться лишь литературе и иметь непосредственную связь с массами пролетариата и крестьянства.

Начинающие пролетарские писатели, работа которых менее напряженна, но все же требует интенсивной затраты сил, должны быть поставлены в условия, по крайней мере не худшие, чем в каковых находятся пользующиеся трудовыми карточками литеры А. Молодым писателям обязательно должен быть предоставлен досуг и не только для их творчества, но и для образования, с тем, чтобы они могли и даже обязаны были посещать соответствующие школы и лекции. Само собой, что это требует освобождения молодых сил пролетарских писателей от излишних забот о материальном благополучии. Чтобы здесь не было никаких злоупотреблений и чтобы к писательской среде не примазывались шарлатанские типы, союзу пролетарских писателей необходимо для всех молодых писателей устраивать ежемесячные конкурсы стихов, рассказов, статей и т. д. для проверки успехов начинающих авторов. Кроме того, все молодые силы должны обслуживать все существующие партийные и советские газеты в качестве, например, репортеров и давать хоть раз в неделю какой-либо материал для печати. Таким образом начинающие писатели не будут, просто говоря, даром хлеб есть и злоупотреблять своим досугом. Наконец, начинающим писателям должна быть предоставлена возможность путешествий, но не праздных, а намеченных союзом или клубом пролетарских писателей, например, по заводам, по городам, по деревням, пристаням и т. д. Разнообразие обстановки, несомненно, будет лишь благоприятно отражаться на творчестве молодежи, их образовании и знании быта.

Въ данное время, например, пролетарская литература мало отражает в себе переживаемые моменты среди пролетарских масс, крестьянских, красноармейских. Это большой минус, что наша столь содержательная по широте и глубине всего совершающегося эпоха почти не отражается в литературе. Пусть даже суть дела заключается в том, что эта новая эра наступила столь стремительно, что не успела породить достаточно крупных мастеров слова для художественного отображения ее, но все-же отображение отображению рознь. Если еще нет крупных сил для отображения ее, например, различных переживаний рабочих, крестьян, интеллигенции, буржуазии и т. д., включительно до партийных и советских работников, то, несомненно, в среде пролетарских писателей достаточно сил, чтобы изображать все переживаемое не классическими мазками, если можно так выразиться, а хотя бы просто только художественными, так сказать, средне-талантливыми. Надо думать, что создание лучших условий для обыденного быта пролетарских писателей, уже работавших и еще начинающих, облегчит возможность изображать переживаемые моменты во всю их ширь и глубь классическими штрихами не прошлого, а будущего.

Союз пролетарских писателей в целях, так сказать, совершенствования литературы и контроля над работой каждого из писателей мог бы установить конкурсы соревнования, не только месячные, как для начинающих писателей, произведения которых еще не могут быть обширны, но также трехмесячные, полугодичные и годичные для более опытных писателей и более крупных произведений. Само собой, что конкурсы не будут достигать своей цели, раз у писателей не будет достаточно досуга для того, чтобы вынашивать свои произведения. Текущая жизнь преподносит ежедневно, если не сказать ежемгновенно, множество тем для всякого изобразительного искусства, но чтобы остановить на них внимание, нужно какое-то время, а этим временем далеко и не обладают все те, кто непосредственно принимает то или иное участие в разрушении старого и в созидании нового, в том числе и пролетарские писатели.

Жюри для соревновательных конкурсов не должны составляться в целях беспристрастия только из членов союза пролетарских писателей или клуба при нем. В него необходимо приглашать и сторонних литераторов даже чуждого лагеря, но которые не совсем отмежевываются от движения или от пролетарского искусства, а часто даже являются лекторами и учителями в различных школах и студиях.

Литература — могущественнейшая сила, но создается она людьми, которые в наше время, особенно в столицах, находятся в тяжких условиях борьбы за существование. Литература всегда требовала от литераторов досуга и обеспеченности хотя бы минимальной, о чем свидетельствует все прошлое литераторов: лучшее в своих произведениях они давали не тогда, когда вели тяжкую борьбу за существование, а когда уже отвоевывали себе более или менее удобное существование. Это, конечно, не относится к тем, кто происходил из среды состоятельных классов.

Относительные досуг и сытость должны быть предоставлены и пролетарским писателям, потому что при прочих равных условиях это является главнейшим для творчества больших и малых талантов.

Пролетарская литература должна крепнуть и расцветать, но не умаляться, не застывать на одном месте, а поэтому литераторы и должны быть поставлены в условия наименьших забот о материальном и наибольших о духовном.

Ближайшие заботы об этом, как почин в общегосударственном масштабе, и должен взять на себя союз пролетарских писателей.

Кий.

П. К. БЕССАЛЬКО.

Павел Карпович Бессалько — сын Екатеринославского хохла, землероба, с 15-ти лет пошел в Екатеринослав, в завод, на заработки. Условия капиталистического строя пробудили его сознание и позвали на путь борьбы против власти царизма и капитализма.

В конце 1906 года молодой слесарь Бессалько уже принимает самое активное участие в революционной работе, вступает в партию Р. С. Д. Р. П. (м-ков) и вскоре попадает в тюрьму, где видит и чувствует всю тогдашнюю, невыносимую тяжесть и мерзость царского застенка.

Там, в тюрьме, он обнаруживает ту идейную пропасть, которая наметилась между пролетариатом и интеллигенцией. Ссоры, неприличные сцены заключенных, индивидуалистическая нагота и духовная пустота интеллигенции побудили его взяться за перо.

Из этих попыток писательства вначале ничего не выходило. Но скоро последовавшая высылка в Восточную Сибирь утвердила мысль о необходимости изобразить эти противоречия жизни на бумаге.

Из ссылки ему удается бежать сперва в Италию, потом во Францию.

Во Франции, кроме работы на заводе и посещения меньшевистской партийной школы, тов. Бессалько занимается еще и литературной работой, продолжая начатый в ссылке роман „Катастрофа“, издает там книжечку талантливых рассказов «Алмазы Востока», которые теперь в 1919 году изданы Петроградским Советом.

Там же во Франции тов. Бессалько сходится с Луначарским, Калининым, Богдановым, Полянским и со всей их группой.

По вопросам пролетарской культуры первое время тов. Бессалько высказывал иную точку зрения, чем Федор Иванович, но это продолжалось недолго. Общность пролетарских интересов скоро их об'единила.

В Россию возвратился он уже большевиком.

По возвращении из эмиграции тов. Бессалько побывал на Украине, поработал в Екатеринославе на заводе, но потом в конце семнадцатого года приехал в Петроград и, по предложению тов. Луначарского, принялся за работу в Комиссариате Народного Просвещения.

Почти с этого момента мы с ним познакомились и стали вместе работать и в Петроградском Пролеткульте и в журнале «Грядущее», где он писал очерки, рассказы и статьи о пролетарской культуре, отличающиеся правильностью точки зрения пролетарской идеологии, сжатостью и сочностью языка.

В июне 1918 года Петроградский Пролеткульт выпустил его первый роман «Катастрофа», затем вскоре второй — «Бессознательным путем» и в конце 1918 года книжечку «Детство Кузьки», а в начале девятнадцатого года повесть «К жизни» и пьесу «Каменщик» и, наконец, он вместе с Федором Ивановичем Калининым выпустил книгу статей «Проблемы пролетарской культуры».

В личной жизни тов. Бессалько был очень общительным товарищем, тонким наблюдателем жизни и тонким юмористом в товарищеской беседе.

Умел в беседах с иноверцем с достоинством отстоять свою точку зрения и убедить оппонента в правильности своего взгляда.

В работе тов. Бессалько был упорным и прямолинейным. На заседаниях и собраниях всегда старался и плохое и хорошее сказать прямо в глаза, что, однако, не мешало ему быть почти со всеми товарищами в самых дружеских отношениях.

Тридцатого сентября 19 г. мы были мобилизованы Петербургским Комитетом Р. К. П. на Южный фронт. Ехали в одном вагоне. Составляли предположительный план работы на фронте. Вспоминали, уже ставшую за гранью, питерскую культурно-творческую работу. Вспоминали, между прочим, частые на моей квартире, прозванной им «штаб-квартирой» пролетарской поэзии, литературные сборища, где происходили обсуждения и горячие споры о выявлении путей пролетарского творчества. Во время этих воспоминаний он бросил: «Разлетаемся мы в разные стороны, гляди, и не увидимся больше, и все вопросы о путях и перепутьях придется начинать сначала».

В Москве случайно встретили приехавшего туда по делам из Тамбова нашего Петроградского поэта Кириллова. Поговорили. Бессалько балагурил, доказывая, что никогда не был солдатом, однако, вполне может быть командиром армии. А, попрощавшись с Кирилловым, крикнул ему в догонку: «А ведь я не возвращусь больше в Питер, останусь на ратном поле».

2-го октября, на станции Паточная в Политотделе Южного фронта, мы получили назначение. Я остался в Политотделе фронта, а он был назначен в Политотдел Н-ской армии.

Расцеловываясь при прощании, он, указывая на осыпавшиеся листья клена, сказал мне: «Ты думаешь, они пропадут зря, — нет, брат, все будет

целесообразно использовано, и мы с тобой не пропадем, и мы будем целесообразно использованы».

В этот же день он уехал, и я его больше не видел. Спустя некоторое время получил от него письмо и узнал, что ему приходится работать с товарищем и быть у него в подчинении, взгляды этого товарища на работу и на прочее расходятся с его взглядами; что он, являясь редактором газеты Н-ской армии «Красный воин», не правомочен вести газету так, как ему хочется.

А 20-го февраля в сводке Н-ской армии я прочитал:

«В гор. Харькове умер от сыпного тифа редактор газеты Н-ской армии «Красный воин», ком[illegible] организации тов. Павел Бессалько».

Подробности для меня еще неизвестны. Да и зачем они? Они не воскресят его, они не возвратят пролетариату этой невозместимой потери. Они не умалят нашего огорчения.

А огорчение очень и очень велико... Огорчение не выразимо никакими словами...

Из наших рядов выбыли такие крупные и такие нужные люди, из нашего строя выбыли такие яркие выразители пролетарской идеологии, которых заменить теперь пока некем, если не поделить их работу между теми немногими, и без того перегруженными, оставшимися в живых пролеткультцами.

Да, нам больно... нам тяжело...

„Но слез бессилья мы не пророним,
Мы не пророним... О, никогда:
Сердца скуем мы стальной бронею,
Сомкнем теснее ряды труда.
И лучшим будет венком, молитвой:
Лишь наша клятва, лишь наш обет—
Итти смелее вперед на битву...
Назад к былому—возврата нет".

И, веря в неиссякаемый творческий источник рабочего класса и в его бессмертие, мы, оставшиеся в живых, строители своего рабочего счастья, смело глядим в будущее, ибо знаем:

„Нас, товарищ, много, много
Целью спаянных одной...
Мы пойдем по всем дорогам"

и дружно выйдем на светлый путь коммунистического строя, каких бы жертв это ни стоило.

Вечная память непреклонным борцам, погибшим на революционном посту за рабочее дело...

Илья Садофьев.

В Петроградском союзе молодежи.

Петроградский союз молодежи насчитывает около 11.000 членов при 330 коллективах и имеет вполне налаженный организационный аппарат в каждом районе. На первом месте по числу членов и коллективов идет 1-й Городской район, в нем 64 коллектива, затем Петроградский—56. Членов коммунист. партии в С. М. имеется до 20%, и вся работа ведется в тесном контакте с партией. Преобладающий возраст членов союза 16 лет (40%), девушек и юношей в союзе половина на половину. Учащихся до 20%. Организационно-агитационный отдел союза проделал за последние три месяца (с 15 дек. по 15 марта) огромную работу: по созыву беспартийной конференции было произведено до 350 предвыборных собраний; в неделю фронта—32 митинга, собрано много пожертвований, выпущена специальная листовка и распространено много литературы.

Многочисленными митингами, докладами и демонстрациями отмечены были дни памяти К. Либкнехта, Розы Люксембург и 9 января. В неделю сыпняка было мобилизовано до 500 товарищей, устроено около 45 „субботников" с общим числом рабочих часов 3500. По вопросу о поднятии производительности труда было проведено 26 собраний на жел. дорогах и 32 митинга. В общем за три месяца союзом было организовано 900 собраний с общим числом присутствовавших в 50000 человек. В области пропаганды союзом созданы 8 районных школ полит. грамоты, в которых до 500 слушателей.

В области школьной работы немалую борьбу пришлось выдержать союзу с правлением Супротруша, конференцию которого удалось расколоть. После раскола молодежь заинтересовалась союзом и прямо-таки повалила в него. Тотчас же было выпущено воззвание к учащимся, и организован коллектив при школах. В настоящее время больше половины школ Питера об'единено,—создано около 150 коллективов.

В области литературно-издательской работы первые шаги С. М. были сделаны уже давно. В настоящее время издательство имеет 6 подотделов: 1) редакцию журнала „Юный Пролетарий", 2) редакцию страничек в „Правде", „Красной газете", „Деревенской Коммуне", 3) юношеский отдел при Петроградском отделении государственного издательства, 4) литературные коллегии, 5) книгоснабжение; 6) библиотечный подотдел. Странички в газетах—еженедельные. В „Правде" вышло 11 страничек, в „Красной газете"—2, в „Деревенской Коммуне"—3. Книгами раньше снабжалась вся северная область, в настоящее время книгами правильно снабжаются районные организации и губернии, а также получают книги делегаты других губерний Северной области, которые специально делегируются для получения книг.

Литературой снабжено 112 организаций и 62 коллектива, подобраны специальные библиотеки для районов и районных политических школ. Значительно лучше начали работать литературные коллегии. Среди молодежи имеются уже свои писатели. При издательстве имеется литературная студия под руководством Максима Горького.

Поставлено на должную высоту библиотечное дело. Все библиотеки просмотрены, проинструктированы, организованы курсы библиотекарей.

До сего времени издательская работа сводилась к печатанию воззваний, статистических форм, регистрационных карточек, анкет, инструкций и т. д. Но вместе с тем теперь к печати подготовляется несколько брошюр и книг.

Из выпущенных брошюр заслуживают внимания следующие: „Где не должна работать молодежь и почему", а также „С кем итти молодежи".

В экономической правовой работе союз молодежи некоторое время шел ощупью без инструкций и указаний от Ц. К. Для того, чтобы ознакомиться с жизнью подростков, решено было провести день обследования, в котором участвовало 150 товарищей. Это обследование дало огромные практические и агитационные результаты.

Беспартийная молодежь увидела, что союз принимает живейшее участие в улучшении жизни молодежи, и приток ее в члены союза сразу усилился.

Подростки, как показало обследование, работают в 148 предприятиях Петрограда. Общее количество их 7000 человек. Фабрично-заводских учеников—1400 человек, до 14-летнего возраста — 500 человек. Подростки работают по 6 часов приблизительно в 60% всего количества предприятий, в остальных по 8 и более часов.

Экономическо-правовой отдел тесно связал свою работу с инспекцией труда. Будут выделены из членов союза молодежи ассистенты инспекторов труда в самом ближайшем будущем.

Совместно с отделом труда, отделом народного образования Совета Союзов, экономическо-правовой отдел С. М. устроил совещание для снятия с работ малолетних. Была выделена особая комиссия, которая провела регистрацию и учет малолетних при непосредственном участии 300 членов союза. В непродолжительном времени все малолетние перейдут на социальное обеспечение.

Экономическо-правовые отделы С. М. созданы в каждом районе; имеются при каждом отделе секции безработных, которые распределяют подростков по профессиональным школам. В рабочий политехникум будет дано 30 товарищей, в школу полиграфического производства уже послано 50.

В вопросе питания подростков приходится исходить уже из существующих норм распределения, но членами союза введен строгий контроль над столовыми. Предположено создать образцовую столовую, перенести центр тяжести пропагандистской работы в столовые, устроив там библиотечки, киоски для продажи литературы.

В целях правовой защиты экон.-правовой отдел союза молодежи предполагает провести обследование домов молодых преступников, дефективных детей и т. д. Задачи отдела здесь сводятся чисто к культурно-просветительной и агитационной работе.

Как видно даже из беглого обзора, коммунистический союз молодежи проделал очень большую работу со времени своего возникновения. Работа эта, которая все время шла плечо в плечо с комитетом нашей партии, имеет самый разнообразный характер, начиная с культурно-просветительных задач и кончая чисто-техническими.

В строительстве нашего нового социалистическо-коммунистического быта нет почти ни одной стороны, на которую н. было бы обращено внимание союза молодежи и где во многих и многих случаях им была бы не оказана помощь нашей молодой Советской Республике.

[illegible] ция молодежи это наш резерв". Революционная борьба поглощает неимоверное количество сил рабочего класса.

„На всех фронтах, в передовых рядах партии, в напряженной Советской работе, в профессиональных организациях, не щадя кровь своего сердца и сок своих нервов", говорит тов. Троцкий, „гибнут тысячи наших товарищей, закаленных еще в подпольной борьбе с царизмом".

Эти товарищи — основной капитал революции. Он может без пополнения быстро иссякнуть. Пополнениями же и резервами нашей коммунистической партии является организованная молодежь.

„Организация молодежи во всем мире, и прежде всего у нас в России, воспитывает десятки тысяч борцов, каждый из которых, когда придет его время, займет свое место в общих рядах и сменит павшего в боях товарища. Движение, которое имеет за собой рабочую молодежь, несокрушимо".

Эти прекрасные слова тов. Троцкого являются как-бы лозунгом для коммунистического союза молодежи.

Расширить коммунистическое движение среди рабочей молодежи, вовлечь ее в революционную борьбу и активную творческую работу, поднять возможно выше культурный уровень нашей молодежи — все это великие задачи, которые стоят пред союзом и требуют самой самоотверженной работы. Разрешение этих задач есть залог нашей победы, торжества идей коммунизма не только в России, но и во всем мире.

Г. Шкалина.

Красноармейский театр.

20-го марта состоялся выпуск учеников Театрально-Драматургической Мастерской при Учительском Институте Красной Армии. Часть учеников успешно выдержала испытание на звание театрального инструктора, остальные образовали показательную труппу при открывающемся Красноармейском Университете.

Следует отметить способности и талантливость, заложенные в пролетариате и проявленные им в названной мастерской.

Рядовые красноармейцы, рабочие и крестьяне, никогда не игравшие на сцене, под опытным руководством Начальника Мастерской Н. Г. Виноградова, не только научились играть, не только наметили путь к новому театру, к театру, в котором и актер и зритель сольются в одно целое, но и сами создали свою, самобытную, сочиненную коллективом пьесу.

Эта пьеса („Красный Глу"), охватывающая обе революции, кроме коллективного творчества, замечательна еще тем, что главным героем ее является масса, толпа, коллектив... Примененная к методам импровизационной игры, она позволяет исполнителям ее каждый раз вкладывать новые и новые вариации. Разыгрываемая среди публики, она завлекает в действие и зрителя, заставляет его активно принять участие в представлении.

Имея громадное агитационное значение, пьеса не лишена и художественных достоинств.

Конечно, это первые ростки коллективного творчества, но им, несомненно, суждено дальнейшее развитие.

Совет профсоюзов.

Несмотря на недостаток сил, культурно-просветительная работа здесь поставлена широко.

Борьба с безграмотностью ведется во всех союзах в контакте с Наркомпросом, в котором имеются представители от профсоюзов.

Кроме того организованы профессионально-технические лекции для рабочих по фабрикам и заводам. Таким путем дается понятие массам о значении для государства каждой отрасли промышленности.

Об'единены все высшие рабоче-крестьянские учебные заведения, как-то: университет имени т. Зиновьева, имени т. Толмачова, эстонской трудовой коммуны, рабочий политехникум, рабочий факультет, железнодорожный политехникум, невский рабочий университет, народный университет.

В данное время организуется центральный клуб для всех союзов, члены которого обязательно должны быть участниками какого-либо кружка: по изучению марксизма, литературы, драматического, музыкального, шитья одежды, изготовления обуви, по огородничеству и т. д.

В ведении совета находятся: театральная касса для распределения билетов в коммунальные театры, собственный оперный театр, кинотеатр, музей профессионального движения, библиотека, насчитывающая свыше 32 тыс. томов, физический кабинет, естественно-научный отдел, чертежные и рисовальные классы, детский дом или сад для детей служащих, общежитие для учащихся в политехникуме из числа приезжих и далеко живущих, собственная для служащих баня, столовая, и предполагается открыть мастерские, в первую очередь обувную.

В союзе пролетарских писателей.

Возникший на декабрьской конференции союз пролетарских писателей начинает проявлять довольно интенсивную деятельность.

Так, за прошедший март месяц им было созвано четыре общих собрания своих членов по организационным вопросам и организовано пять докладов на литературные темы. На организационных собраниях был окончательно утвержден устав союза, намечен план деятельности, выработан устав клуба, реорганизована редакция журнала „Грядущее" и приняты меры к улучшению положения пролетарских писателей. С докладами на литературные темы выступали т. т. Серафимович, Лернер (2 доклада) и Горький (2 доклада). Тов. Серафимович в

своем докладе „о задачах пролет. художественной литературы" дал краткий очерк предыдущей, старой литературы и показал в нем, что старая литература хотя отражала рабочего, но без тесной связи с обстановкой и бытом последнего. Старый литературный тип рабочего — это герой, романтик, с резкими индивидуальными чертами характера, часто идущий в разрез с массой. Вообще писатели-интеллигенты раскрашивали рабочих в свои же индивидуалистические, мелкобуржуазные цвета. Задача пролетарской литературы — дать яркий художественный тип рабочего, тесно связанного со своим классом, бытом и обстановкой, крепкого и реально-правдивого в своей революционной деятельности, пропитанного духом коллективизма. Для этого пролетарский писатель должен внимательнее и глубже изучать окружающую жизнь.

Тов. Лернер в первом докладе очень живо иллюстрировал недостатки пролет. поэзии: однообразие тем, подражательность, вычурность выражений и пристрастность к „красному цвету". Во-втором докладе он указал на положительную сторону пролет. поэзии и охарактеризовал ее, как наиболее активную, местами красочную и музыкальную.

В докладе т. Горького „о психологии пролет. художественного творчества" был затронут целый ряд вопросов: о роли и значении рабочего класса в революции, об отношении деревни к городу, о коммунист. строительстве, о значении воли в творчестве и др. В общем, в своих докладах т. Горький несколько скептически относится к крестьянству, хотя в то же время не идеализирует и рабочий класс. Классовая борьба, по его мнению, на исходе, и необходимо в литературе выявлять элементы трудовой жизни. Воле в творчестве он придает огромное значение. Все лекции сопровождались оживленными, а порою и очень страстными прениями, в которых участвовали почти все присутствовавшие писатели. В дальнейших литер. собраниях будут выступать с докладами т. т. Маширов, Кириллов, Книжник, Жижмор, Куделли, Арский и др. пролетарские писатели.

Библиография.

Пламя. № 4. Петгр. Ц. 6 р.

В этом номере заслуживает внимания, особенно пролетарских писателей, статья т. Дивильковского „Рабочий в зеркале искусства", в которой автор призывает к созданию или отражению в литературе типов революционе[illegible] классического размаха, которые бы не-режнвали себя и имели облик человека, высшего или идеального, полного героизма и самопожертвования. „Пусть охарактеризуют нам этого Колумба, открывателя нового мира, во всем его самоотречении, в его горячем стремлении послужить не себе, а всему исстрадавшемуся человечеству".

Из рассказов наиболее картинно и задушевно написан „Герой Прокуда", М. Белинской.

В общем же журнал далеко не пламенеет и почти не отражает в себе нашу пламенную и красочную эпоху борьбы, разрушенья и возрожденья к лучшему будущему.

Редактор: **Коллектив.**

Временный адрес Правления Союза Пролетарских Писателей: Итальянская, 29, кв. 6.

17-ая Государственная типография, 7-ая рота д. 26.

ГРЯДУЩЕЕ

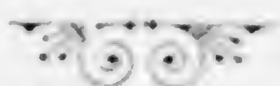
ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6 1920

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

Содержание № 4.

ГРЯДУЩЕЕ.

№ 4. Пролетарский художественно-литературный журнал. 1920.

НАШ ПРАЗДНИК.

Пролетарии России уже в четвертый раз празднуют первое мая на полной свободе, как нигде в мире за все время тяжких лет мировой бойни.

В первый раз пролетарский мировой праздник праздновался еще под сенью власти коалиционного правительства во главе с Керенским, этим бесславным божком и кумиром буржуазной и даже социалистической «демократии». Основными лозунгами того времени, кроме «вся власть Советам» были еще требования мира и опубликования тайных договоров. Тогда Россия была и то только фактически, самочинно, лишь республикой, конечно, не социалистической, а к великому самоудовлетворению меньшевиков и народников всего лишь буржуазной. Даже и одного этого достаточно было бы для того, чтобы празднование первого мая носило столь любезный сердцу буржуазии «общенародный» характер. В чем же заключалась общенародность празднования? Да только в том, что к празднованию первого мая пытались присоединяться детки, сынки и дочки буржуазии, в лице главным образом учащихся, да либерально настроенные торгаши и служащие, еще не терявшие веры в благоразумие, уверенность и акуратность русской революции, т. е. не терявшие надежды в обуздание взбунтовавшейся черни, рабочих и крестьян. В этом смысле празднование действительно носило национальный характер, и среди манифестирующих можно было видеть не только одних рабочих и бесшабашных большевиков, но также и более «приличную» публику.

Во второй и третий раз пролетарии праздновали свой международный праздник уже в Советской России, под сенью уже рабоче-крестьянской власти. Ясно, что только теперь празднование первого мая могло носить чисто классовый характер, потому что пролетариат праздновал его одиноко, без всякого участия буржуазии, демократии и «социалистов». В 1918 и 19 годах праздник первого мая был коммунистическим праздником, но до интернационального масштаба он не мог развернуться, так как этому мешала классовая война. Советская Россия в то время была окружена полчищами своей и чужой буржуазии и не могла общаться с пролетариями других стран.

Как же обстоит дело теперь?

Четвертое празднование первого мая совершается в обстановке, еще не бывалой для пролетариев Советской России и всего мира.

Прежде всего пролетариат и крестьянство вышли победителями в классовой войне, окончательно разбив собственную буржуазию положительно на всех фронтах. Это уже стало несомненным фактом. Прочность советовластия внутри страны настолько незыблема, что даже и голод смиряется перед ним.

Международное положение Советской России стало устойчивей, чем когда-либо раньше, а доказательства тому — все те переговоры о мире, которые велись, ведутся и еще будут вестись, а главное, те торговые сношения, которые начинают налаживаться с ближними и дальними странами.

От военной и торговой блокады остаются лишь одни воспоминания, а поэтому общение русского пролетариата с пролетариатом других стран становится на такую широту, о которой раньше можно было лишь мечтать. Следовательно; в этом году великий пролетарский праздник действительно может стать международным; он может стать смотром сил пролетариата всех капиталистических стран включая Америку.

Слов нет, мировая буржуазия еще сильна, она еще может вредить нашему социалистическому государству, но тем не менее она уже не располагает былыми полчищами и уже не доверяет своим собственным солдатам. Например, Французское правительство посылает в Рурскую область негров, но не французов, чтобы подавить коммунистическое движение среди германских рудокопов. Как ни силен еще империализм, все-таки этот праздник превратится в последнюю тризну над буржуазным строем всего мира.

Празднование первого мая в этом году отличается от всех предыдущих еще тем, что носит характер Всероссийского Субботника. Общий труд на всех, не на себя — вот в чем смысл социалистического труда в государстве на путях к социализму.

Пролетариат, победивши в мировой политике, должен победить и в экономике. Советская Россия должна стать образцом строительства нового быта для всего мира.

О методах работы в пролеткультах.

Нашим читателям известно, что пролеткульты, в отличие от других культурно-просветительных организаций, сосредоточивают свое внимание на творческой стороне культурной работы и кладут в основу строго классовое пролетарское содержание. Они создают условия для проявления творческих возможностей пролетариата, в результате чего и создаются определенные ценности пролетарской культуры. Работа ставится лабораторным, студийным способом, т. е. наиболее организованно, а следовательно и наиболее сознательно,— методически, неуклонно производится исследование и обучение, как и должно вести работу пролетариату, сознающему свое классовое положение. Подводя итоги двухлетней работы пролеткультов, мы должны признать, что результаты ее значительно меньше тех, которые мы ожидали. Работа велась больше вширь и меньше вглубь. На это, конечно, есть причины, которые кроются в общих условиях переживаемого момента. И все-таки, несмотря на все извиняющие обстоятельства, мы должны отметить, что при весьма редких исключениях пролеткульты вели свою работу ощупью. Сознательными пролетариями так работа вестись не должна. Ни одной минуты не надо забывать обязательной для социалистов истины, что каждый практический шаг нашей работы должен быть связан с нашими общими социалистическими задачами. А в большинстве наших пролеткультов работа выливается просто в культурно-просветительную, как она велась когда-то при наших отцах и дедах. Они строят студии, обучают простой, обычной грамоте в области того или иного искусства, увлекаются формой буржуазных художников и употребляют все усилия, чтобы достигнуть именно этой формы. При этом нередко берется и материал чисто буржуазный. Другие из руководителей и инструкторов пролеткульта увлекаются народным искусством и его хотят выдать за пролетарское. Время всему этому положить конец, засилье в пролеткультах инструкторов интеллигентов, пропитанных буржуазной культурой, служит отравой сознания пролетария, но не развитию. Если мы хотим сознательно и планомерно создавать пролетарскую культуру, мы должны и в области культурно-просветительной, как и в политической, осуществлять диктатуру пролетариата. С заразой интеллигентского ханжества перед буржуазным искусством и наукой должна вестись беспощадная борьба. Прежде всего она должна начаться в пролеткультах.

Когда буржуазный поэт Бальмонт, возражая против классового понимания искусства, говорил: поэт свободен, как птица; она летит туда, куда влечет ее инстинкт, так и поэт, для него нет законов, он поет, когда и что хочет. Буржуазная интеллигенция восторженно приветствовала и хлопала пресыщенной утонченными наслаждениями лжи поэта. Мы думаем, что сладкие песни поэта не усыпят волю рабочих мускульного труда, пропитанных мятежным духом классового положения и проникнутых непримиримой ненавистью к захватчикам частной собственности, которую они сделали орудием жестокого угнетения. Красивость птичьей поэзии Бальмонта не прельстит рабочих. Рабочие хорошо знают, что они сознательные существа и обладают волей. Мы идем не туда, куда влечет нас инстинкт, а куда нужно итти, куда указывает дорогу сознание классового положения, а обладание волей дает нам возможность преодолевать препятствия на пути, как бы не были они трудны. Поэтому наше искусство, наша поэзия должна быть сознательным целесообразным выражением. Если Бальмонт, которого природа наделила редкой способностью легко выражать в красивой форме все изгибы и шорохи своей души, если он при этих способностях поставил себе идеалом подражать свободе бессознательных птиц,—с нашей точки зрения он преступно промотал свой талант на красивые побрекушки, содержание которых не переступило сознание птиц. Для рабочих буржуазные поэты не могут служить образцом, они заражены бледной немощью своего класса, который в искусстве и идеологии вообще отразил всю опустошенность своей души, потому что у буржуазной идеологии нет перспектив, кроме перспектив туманного мистицизма и всего таинственного. Техника и способ производства давно уже переросли идол их жизни—частную собственность, которая с каждым днем развития техники становится к ней во все более непримиримое противоречие. Поэтому буржуазные идеологи всех мастей и боятся сознания, которое, отражая логику развития производства и техники, открывает перспективу гибели их частной собственности.

Совсем обратное отношение у пролетариата к сознанию,—для него сознание—инструмент, при помощи

которого он понимает свое классовое положение и делает выводы, куда ему итти и как итти. Борющийся класс не может и не должен создавать иного искусства, как только такое, которое служит организацией его борьбы и организацией образов его идеала, к которому он стремится. Выражение всего этого в искусстве может быть бесконечно разнообразно: в нем отражается и классовая борьба, и душевное состояние, и красота внешней природы, и все это разнообразие у социалиста-художника может быть связано с его идеалом.

Всеми связями нашей души мы должны освобождаться от разлагающего и тлетворного влияния буржуазного искусства. Человек инертен, с трудом освобождается от традиций и привычек, ему редко удается освободиться от соблазна пути наименьшего сопротивления, в особенности когда изощренные представители буржуазного искусства обволакивают этот путь приятным туманом грез и красотой ложных софизмов. Наш критический нож классового чутья необходимо обострить неподкупной непримиримостью. Мы должны знать, что в самых ничтожных дозах буржуазное искусство крайне ядовито и разлагающе действует на нашу волю и чувство, но мы должны знать также и другое, что добровольным агентом и весьма искусным проводником буржуазного искусства является интеллигенция. За ней необходимо установить контроль и подчинить нашим стремлениям. И если мы проявим упорную последовательность в преследовании наших задач,—подчинить интеллигенцию нам будет легко.

Для социалистов, сторонников исторического материализма, которые не признают свободной воли и выводят всю идеологию в целом из экономических отношений, созданных на почве определенного способа производства, сознание является тем инструментом, при помощи которого они раскрывают всю сложную механику общественных отношений и всю вытекающую из них архитектуру культурных построек. Получая стимул из сложившихся материальных отношений и классовых интересов, сознание дает возможность понять намечающиеся пути складывающихся и одновременно разрушающихся общественных форм и тем самым служит возбудителем нашей активности, организуя ее на действия, для достижения классовых интересов пролетариата, осуществляемых в социализме. Этим взглядом на роль сознания в общественной борьбе мы отличаемся от всех наших классовых врагов, как чистых буржуа, так состоящей на службе пособников эксплоатации—интеллигенции, так и аморфного, еще не определившегося, слоя мелкой буржуазии, вечно колеблющейся и сосредотачивающей в себе все предрассудки эпохи, наиболее полно, чем определившиеся классы. Все наши враги боятся сознания, инстинктивно отворачиваются от него, смутно чувствуя, что логика сознания помогает вскрыть общественные отношения независимо от их воли и желания, приводит к складывающейся новой общественной форме социализма, которая хоронит и уничтожает источник их эксплоатации—частную собственность. Логика общественного развития открывает перед буржуазией неприятные для нее перспективы пути развития, а сознание как раз и служит ясным зеркалом, через которое так отчетливо видна их будущая судьба. Естественно, что это обстоятельство и заставляет их скрываться от сознания под крылю непонятного, таинственного и всего того, что баюкает и накладывает на него пелену дыма и тумана.

Ну а развитие буржуазией техники и естествознания, скажут наши противники, разве стоящие на службе у буржуазии ученые не способствовали [illegible] шагом изгнанию из этих областей всего таинственного. Да это верно, но только это верно с другой стороны. Их желание развивать технику и естествознание вытекало не из стремлений построить лучший общественный порядок, а из бездонно тупой жажды наживы. Лишь только инженер или ученый задумывал сбиваться с пути наживы на более идеальный путь, капитал сейчас же лишал его поддержки и отбирал все средства и способы работы и тем самым обрывал его мечты об идеалах. Само собой разумеется, что при этих условиях буржуазные ученые не смели отважиться увлечься своевольными мечтами. Их роль была и есть выполнение велений капитала.

Зато в области искусства и философии буржуазные прислужники из интеллигенции могут свободно отводить себе душу, полно и вольготно фантазировать, «творить из куска жизни» причудливые «легенды», тем более, что эти легенды легко проникают в быт, могут пьянить пролетария бездной ядовитого тумана буржуазной идеологии и проникать в весьма тонких и еле уловимых формах во все поры его организма, и тем самым путать его сознание и расслаблять волю. Вот почему с такой беспощадностью, резкостью и необходимой жестокостью мы должны рассеять непримиримым светом классового сознания скопившиеся ядовитые испарения буржуазного тлетворного духа, в какие бы красивые формы и приятные звуки он ни облекался.

В поисках формы искусства есть один путь—через наше классовое содержание к форме. Как бы ни были привлекательны буржуазные формы, для нас они будут все равно непригодны. «Когда мысль архитектора стремится к небу, а чувство—к Богу, он построит храм, своды которого будут убегать в вышину. Если же он будет думать о лошадях, он построит прочную конюшню». Так правильно определяет наше отношение к поискам формы тов. Бессалько.

Самым элементарным и необходимым требованием к студиям должно быть в первую голову ознакомление студистов с сущностью социализма, с его научным теоретическим обоснованием. Без выполнения этого требования классовая сознательная творческая работа не представляется возможной. Каждое содержание, идея, над которой работает студист, чтобы облечь ее в соответствующую форму, должна быть не только прочув-

ствована, но и продумана, осознана до конца. Все, что хочет студист выразить, он прежде всего при помощи своего сознания данное содержание или идею связывает с задачами своего класса и с конечной целью—социализмом. Он должен понять, в какой связи стоит то содержание, которое он хочет выразить, с задачами его класса, данным переживаемым моментом, и все это строго проанализировать и тогда уже приступить к поискам формы, наиболее сильно и красиво выражающей его идею. Можно сказать заранее, если только есть талант, способность в художественной форме выражать себя, свои заветные волнующие идеи, при таком способе работы форма будет найдена. Защитники б[illegible] [illegible] они сейчас же поднимут вой и в сотый раз будут с пафосом кричать о свободе искусства и говорить о нелепости предписаний в области творчества и регламентаций. Ну, а как, спросит нас ядовито сторонник свободного искусства, описание утра или березки с социализмом связать можно? Можно и должно, ответим мы. Если поэт—глубокий социалист, если идея социализма доходит у него не только до сознания, но и до чувства, то и описание распускающейся листочки березы может быть вполне связано с социализмом. Про поэтическое описание природы Пушкина мы говорим, что оно национально, в этом описании чувствуется сложившийся дух русской культуры. То же самое вы наблюдаете в области изобразительной, например, в картинах Левитана. В музыке Чайковский выразил уже прямо классовое настроение русской интеллигенции определенной, общественной полосы. Если в описании природы наши великие писатели изображали национальное лицо, то никаких нет оснований отрицать возможность отобразить и социалистическое лицо. Сама по себе природа, конечно, ни классового ни национального лица не имеет, но пропущенная сквозь призму суб'ективного сознания и настроения поэта, которое есть само результат об'ективно сложившихся условий, она принимает ту окраску, которая свойственна мировоззрению, ее отображающему.

Возражения против предписаний и регламентации в области творчества тоже не выдерживают критики. Старые приемы индивидуального творчества, которые зависели от случая и настроения, уже начинают вытесняться новыми приемами методичной, регламентированной, рассчитанной работы. В области научного творчества естествознания и техники иного способа, как только что высказанный, давно уже не признается. Начало методической коллективной работы уже сделано и в сфере творчества искусства, и оно при данном состоянии науки начинает признаваться единственно целесообразным и возможным. Творчество организуется лабораторным студийным способом, из сферы случайной оно переносится в методически организованную и носит постоянный непрерывный характер. Правда, в этих студиях еще не проводится последовательно научная постановка творчества, в них, благодаря засилью интеллигенции и их индивидуалистических привычек, отживающая отрыжка дает себя сильно еще чувствовать, но процесс разложения этой отрыжки уже идет ускоренным темпом, и наша задача только помочь этим родам и придать им безболезненный и нормальный характер.

Студии заполняются только рабочими, это положено в основу нашей деятельности. Но фактическая работа в студиях не может начаться, пока не пройдена принятая Советом Пролеткульта программа общего курса по социализму. Без этой прочной базы, заложенной в сознании студистов и в душах, задача выявления пролетарского творчества выполнена быть не может, как не может распускаться и зеленеть дерево без корней. Когда начата предварительная работа по воспитанию социализма, тогда уже можно приступить и к студийной работе развития творческих возможностей.

Работу в студии, например, музыкальной мы представляем таким образом: первоначальное знакомство с музыкальной грамотой не должно быть муштровкой, при которой стремятся достигнуть точной передачи музыкальной задачи, а прежде всего необходимо дать раскрыть творческие возможности у каждого студийца рабочего. Нужно сначала дать ему возможность выразить свободно душу, пробудить при помощи самостоятельного подбора звуков то, что в нем еще скрыто и где-то в глубине слабо трепещет под гнетом интересов и привычек мещанской обывательщины. Когда дремлющий талант будет освобожден из-под гнета житейской обыденности, когда укоренится потребность выражать себя, тогда и можно начать знакомство с музыкальной грамотой. Лишь только будет пройдена ступень необходимого технического усвоения музыкальной грамоты, когда студиец овладеет некоторыми техническими средствами, которые позволяют выражать творческие потребности с большей свободой и легкостью, тогда должна наступить третья стадия. Эта третья стадия и есть самая щекотливая и деликатная. С одной стороны, студиец уже начинает показывать свои достижения и публично выражать себя, с другой—он еще продолжает учиться и совершенствовать себя. Здесь студийцы и больше всего их руководители, инструктора-интеллигенты, имеют большой соблазн итти по старым буржуазным путям. В качестве выражения своих достижений при публичном показании они берут содержание и образцы старых классиков буржуазных мастеров. У них появляется сильный соблазн показать себя на преодолении сложных и тонких структурных построений буржуазных классиков. С точки зрения классового развития мы считаем это безусловно вредным. Должно браться только пролетарски классовое содержание и на нем показываться силы и достижения. Смущаться нечего, если содержание в художественном отношении невполне совершенно, лишь бы оно не загораживало дорогу классовому социалистическому творчеству.

С ростом обостренного классового чутья к выбору содержания будет расти и художественное развитие. Обратное действие произведут буржуазные образцы, они

усыпят классовое творчество и отравят его ядом своей идеологии, которая в них заложена, и, таким образом, будут способствовать не развитию классового творчества, а его разложению. Мы опять повторяем, для студийцев пролеткульта может быть только один путь—итти в поисках формы в искусстве через свое классовое содержание. Весь материал, который служит для упражнения, должен тщательно выбираться и по своему содержанию быть пролетарским и революционно социалистичным.

Хор пролеткульта и отдельные студийцы должны выступать с песнями пролетарских поэтов. Пусть некоторые из песен, как материал для музыкальных упражнений, не совершенен с [illegible] слабоват, этим смущаться нечего, лишь была бы доброкачественность со стороны классового содержания, художественность дозреет в процессе творческой работы. Для нас важнее всего как можно скорее освободиться из-под власти буржуазной идеологии.

Пролетарские песни пролетарскими же музыкантами должны перелагаться на музыку. Студиец должен понять содержание песни, проанализировать ее связь с положением пролетариата и с социализмом. До тех пор, пока студиец не овладеет содержанием, не поймет его до конца и не установит связи, он не должен приступать к творческому процессу.

Все достижения должны открыто показываться массам. В критике и отношении пролетарских масс к творческому достижению студистов студийцы будут шлифовать и проверять результаты своей работы. В противовес презрительному отношению буржуазных художников к суду толпы пролетарские носители искусства должны как раз итти иным путем. Наша масса с ее однородными интересами не есть та толпа с разношерстными противоречивыми желаниями и интересами, перед которой выступал буржуазный художник. Правда, и наши художники не каждое суждение массы должны проводить в жизнь. Но мы всегда эти суждения обязаны понять, почему масса на определенное художественное выражение воздействовала так, а не иначе. Художник может сохранить свою независимость в способе выражения, но он должен принять во внимание суждение массы и не должен отказываться понять его.

Легче всего проявить последовательное проведение поисков формы через содержание в литературных студиях. Изображаемое ставится в связь с интересами пролетарского класса и его идеала, а когда это зерно содержания понятно и осознано до конца, тогда оно доводится до чувства и облекается его соками. Только при такой работе возможно сознательное и планомерное завоевание пролетарской культуры. Мы знаем, что этот путь труден, он требует много работы и упорства, связан с методичностью и расчетом, но другого пути [illegible] сопротивления значительно легче, в особенности когда он проходится под звуки интеллигентских сирен из буржуазии, с их пением о свободе искусства, но этот легкий путь не может привести к желанному результату. Он может привести только к измене и предательству своего класса. Наглядным примером такого предательства служат заласканные буржуазной интеллигенцией талантливые меньшевистские рабочие Иван Кубиков и Бибик. Оба самым подлым образом предали интересы своего класса и превратились в художественных припевал буржуазной интеллигенции, не успев развить своих задатков.

Заканчивая статью, мы еще раз скажем, никаких уступок врагам своего класса и меньше всего уступок в области искусства и науки. Классовые противоречия в этой части идеологии значительно более затушеваны и скрыты, чем в политической борьбе. Вот поэтому в этой области наша работа и ее способы должны быть построены на строго классовом методе и с непримиримой, упорной беспощадностью вскрывать таящийся яд буржуазной идеологии. В ответ на жужжание буржуазной интеллигенции об аполитичности и свободе искусства и науки мы ответим: процесс работы и творчество никогда еще не были свободны от взглядов суб'екта, выражающего это творчество, а взгляды не могут быть свободны от того общества, в котором живут.

Федор Калинин.

От мрака к свету.

Анри Барбюсс — французский интеллигент, вступающий с пламенными протестами против грабительской политики империализма и с выражением своего сочувствия освободительной миссии пролетарской революции—известен уже русским читателям по своему роману „В огне“ (дневник одного взвода), в котором он изобразил переживания обитателя траншей в годину империалистской войны, неприкрашенную реальность мировой бойни, стоящую в столь резком противоречии с фразами об освободительной миссии войны.

Суровая, жестокая правда войны нашла себе отображение на страницах первого романа Барбюсса, помеченного декабрем 1915 года.

В сентябре 1918 г. закончен его второй роман „Clarté“ („Свет“), ныне изданный государственным издательством.

Последнее произведение крупного французского художника запечатлено гораздо большей зрелостью мысли, чем первое,—три года опустошительной войны, разделяющие обе книги, провели глубокие борозды в сознании, в умах чело-